

ВОЕННЫЕ **1911**
МЕМУАРЫ **1917**

Протопресвитер
Г.И. Шавельский

**ВОСПОМИНАНИЯ
ПОСЛЕДНЕГО
ПРОТОПРЕСВИТЕРА
РУССКОЙ АРМИИ**

Военные мемуары (Вече)

Георгий Шавельский

**Воспоминания последнего
протопресвитера Русской Армии**

«ВЕЧЕ»

Шавельский Г. И.

Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии /
Г. И. Шавельский — «ВЕЧЕ», — (Военные мемуары (Вече))

ISBN 978-5-4484-1297-4

Воспоминания последнего протопресвитера военного и морского духовенства отца Георгия Шавельского рассказывают о годах Русской армии. В годы Русско-японской войны о. Георгий находился в рядах действующей армии, сначала полковым священником, затем дивизионным и позже главным священником Маньчжурской армии. Он разделил все тяготы этой войны с армией, был контужен и награжден орденами Св. Георгия и Св. Владимира с мечами. Назначенный на должность в 1911 г. о. Георгий накануне Первой мировой войны сумел реорганизовать военное духовенство и сблизить его с чинами армии и флота. После начала войны о. Георгий был переведен в Ставку Верховного главнокомандующего. В своих воспоминаниях о. Георгий рассказывает о малоизвестных сторонах религиозной жизни Русской армии, делится впечатлениями о встречах с венценосными особами и генералами ставки, размышляет о причинах побед и поражений. В настоящее издание вошли воспоминания священника рассказывающие о периоде 1911–1917 гг.

ISBN 978-5-4484-1297-4

© Шавельский Г. И.

© ВЕЧЕ

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава I	7
Глава II	16
Глава III	20
Глава IV	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Протопресвитер Георгий Шавельский

Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии

Вместо предисловия

Так это было недавно. Всего немногим более трех лет отделяет нас от того времени, когда Родина наша была великой, богатой, могучей. И несмотря на это, между тем прошлым и переживаемым настоящим лежит целая эпоха, нет... не эпоха, а целая бездна. Всё старое прошлое – и доброе и худое, может быть, навеки уступило место новому. Сейчас жестокому, безудержному, грозному, в будущем – неизвестному.

И от всего этого прошлого только и остались обрывки воспоминаний, которые от времени до времени то целыми картинками, то отдельными тенями проходят перед сознанием, представляясь иногда каким-то волшебным сном, или спокойным и приятным, или тревожным и мучительным, но всегда далеким-далеким от настоящей действительности. И чем дальше идет время, тем больше хочется сблечь их, тем больше является опасений, как бы не изгладились они из памяти, или не изменили своего облика. Это опасение заставило меня теперь же взяться за перо, не дожидаясь того времени, когда в моих руках будет оставленный в России мой дневник, могущий, впрочем, и погибнуть за время моего скитальчества.

Пусть в передаче фактического материала, и особенно в датировке событий, я окажусь не столь точным, как это было бы при пользовании дневником, но зато в случае гибели дневника мои настоящие воспоминания в значительной степени заменят его, а для будущего историка нашей беспримерной эпохи сослужат хоть ничтожную службу.

Воспоминания мои относятся, главным образом, к трем годам Великой войны, в частности, к пребыванию моему в Ставке Верховного Главнокомандующего. По сложности и массивности событий эти годы были беспримерными в истории России. Предыдущего времени я касаюсь вскользь, для связи с последними дореволюционными годами.

Глубокий интерес, с которым я относился к совершавшимся в Ставке и при царском дворе событиям, предшествовавшим революции, помог мне прочно запечатлеть их в моей памяти. Надеюсь, поэтому, что в передаче фактов я буду достаточно точным. Сознание же великой ответственности пред историей за правильное освещение событий поможет мне быть и объективным.

Конечно, центральными действующими лицами в моих воспоминаниях выступят государь и его несчастная семья, а затем окружавшие его, влиявшие и имевшие возможность влиять на него. Главным же сюжетом воспоминаний будет постепенно развертывавшаяся картина надвигавшейся революции, которую тщетно старались предупредить одни, которую упорно не хотели заметить другие и которой, – может быть, не ведая, что творят, – помогли трети.

Между тем всё усиливавшееся недоверие к слабовольному, всецело подчинившемуся своей доминирующей супруге царю и возмущение против «распутинствовавшей» царицы не только в петроградских и московских высших кругах, но и в народе, и в армии, и даже в самой царской Ставке подрывали авторитет царской четы, подтачивали устои трона.

Зловещая фигура Распутина, овладевшего и разумом, и волей несчастной царской четы, много способствовала ускорению надвигавшейся страшной катастрофы.

Неизбежность этой катастрофы со второй половины 1916 г. была очевидна для многих. Но царь и ближайшие лица его свиты, казалось, безучастно относились к быстро развиваю-

щемся ходу грозных событий и совсем не подозревали наступающей опасности. Катастрофа разразилась для них неожиданно.

Владычествовавшая в течение многих веков, казавшаяся всемогущею, русская царская власть сдала все свои позиции не только без бою, но и, можно сказать, без малейшего сопротивления. Блестящий русский царский трон рухнул, никем не поддержанный. На место царской пришла новая власть, наименовавшая себя Временным правительством, составленная из людей, расстраивавших аппарат прежней власти, подготавливавших революцию, но ничего не предусмотревших и ничего не подготовивших для создания сильного аппарата новой власти.

В церквах стали возглашать: «Временному правительству многая лета!» Как будто временное хотели сделать вечным... Рассказывали, что один дьячок, вместо «Господи! силою Твоею возвеселится царь» (Псал. XX, 2), начал читать за богослужением: «Господи! силою Твоею возвеселится Временное правительство». Несмотря, однако, на церковные – едва ли искренние – молитвы, Временное правительство не могло рассчитывать не только на долговечность, но и на сравнительную продолжительность, ибо оно оказалось вялым, нерешительным, безвольным, трусливым, близоруким.

Вместо того, чтобы усиливать собственную мощь и водворять порядок во взбаламученной стране, оно, из опасения, как бы не вернулась прежняя царская власть, потворствовало обезумевшей толпе, разжигало страсти, сеяло рознь, усиливало беспорядок. А затем почти так же легко, как захватило, оно сдало все свои позиции другой власти, сильной единством мысли и воли своих представителей, смелой в решениях, отважной в действиях, беспощадной в борьбе с противниками. Выставленные ею лозунги, ниспровергающие почти все идейно-моральные устои дореволюционного мира, ужасают многих. К чему приведет эта власть нашу многострадальную Русь, – это покажет будущее. В настоящем же одно ясно: старое, одряхлевшее кончилось, наступает новое – новые условия жизни, новые порядки, новые взаимоотношения.

Старого не вернуть: не течет река обратно, не вернуть, что невозвратно. От нового не уйти. Хочется же верить, что, когда утихнет революционная буря и начнется творческая государственная стройка, к которой будут привлечены неиспользованные, неисчерпаемые силы всего русского народа, а не верхов его только, как это было в старой России, тогда наша держава вернет свою расшатанную за время войны и революции мощь и предстанет пред всем миром в еще большем величии и славе. Дай Бог, чтоб стало так!

Протопресвитер Георгий Шавельский
Октябрь 1920 г., София,
Духовная семинария.

Глава I

До войны. Мое назначение на должность протопресвитера. Первые встречи с высочайшими особами

В начале 1911 г. я, состоя священником Суворовской церкви при Императорской военной академии (Генерального штаба), занимал еще должность профессора богословия в Историко-филологическом институте и члена Духовного правления при протопресвитере военного и морского духовенства, каковым был тогда о. Е.П. Аквилонов.

Тяжкая болезнь (саркома), необыкновенно прогрессирующая, быстрыми шагами, видимо для всех, вела к могиле этого могучего и духом и телом, совсем еще не старого человека (он умер 47 лет). Дни его были сочтены. «Кандидаты» на протопресвитерство – а их было несколько – уже готовились через сильных мира каждый для себя почву. Как один из молодых священников столицы (мне в январе 1911 г. минуло 40 лет), в их глазах я не был конкурентом им; сам же я еще менее мог думать о своей кандидатуре.

21 или 22 марта 1911 г. больной протопресвитер уехал в свою родную Тамбовскую губернию, в г. Козлов, «чтобы лечиться», как он говорил, – чтобы умирать, как думали другие.

25 марта я – по принятому мною обычаю в праздничные вечера беседовать со своими ученицами – вечером был в Смольном институте (Николаевская половина) и там беседовал со смолянками. В 9 ч. вечера я неожиданно был вызван из класса моим братом Василием, тогда студентом Академии, сообщившим мне, что дома меня ждет посланец от военного министра, прибывший ко мне по какому-то чрезвычайно спешному делу. Посланцем оказался протодиакон церкви Кавалергардского полка Николай Константинович Тервинский. Его направил ко мне командир лейб-гвардии Гусарского полка, ген. В.Н. Воейков, по приказанию великого князя Николая Николаевича и военного министра, только что, по словам Тервинского, совещавшихся в Яхт-клубе. Тервинский объявил мне, что мне предлагают, ввиду неизлечимой болезни протопресвитера, стать его помощником и, в случае согласия, просят меня завтра в 9 ч. утра быть в Царском Селе у ген. Воейкова.

В этом предложении для меня всё было странно. Почему-то посылается ко мне протодиакон, которого я почти и не знал. Мне предлагают стать помощником протопресвитера без ведома и согласия последнего; предлагают лица, с которыми я не имел никаких дел, и которые едва ли могли хорошо знать меня: великого князя Николая Николаевича и военного министра я раз или два видел издали, а ген. Воейкова и совсем не видел. Мне, наконец, предлагают должность, обходя многих старейших и более заслуженных. Я готов был усомниться – правду ли говорит протодиакон.

Но настойчиво повторенное сообщение и совершенно нормальный вид посланца заставили меня серьезно отнестись к делу. 26 марта с 8-часовым утренним поездом я выехал в Царское Село. Там на вокзале меня уже ждал прекрасный экипаж ген. Воейкова, быстро доставивший меня на квартиру последнего.

Ген. Воейков после небольшого, очень дипломатично проведенного экзамена насчет моих взглядов на работу военного священника и вообще на духовно-военное дело, повторил мне с некоторыми добавлениями уже известное мне от протодиакона Тервинского. Ввиду тяжелой, безнадежной болезни протопресвитера Аквилонова необходимо немедленно назначить ему помощника, который, в случае его смерти, заместит бы его. Великий князь Николай Николаевич и военный министр остановили свой выбор на мне. Если я согласен на назначение, то сейчас же будет дан ход делу, в принципе уже решенному, ибо и государь на это назначение

согласен. Я возразил, что в отсутствие протопресвитера и без его ведома нельзя решать вопрос об его помощнике, что таким решением можно его обидеть и восстановить против меня. Ген. Воейков заверил меня, что протопресвитер Аквилонов уже намекал ему на меня, как на самого желательного помощника, и что они – военные – уладят этот вопрос, если бы протопресвитер вернулся к службе.

26 марта великий князь направил рескрипт к военному министру о назначении меня на должность помощника протопресвитера. (При выборе нового протопресвитера голос главнокомандующего Петербургского округа (обыкновенно, великого князя) имел решающее значение. Процедура назначения была такова. Главнокомандующий, осведомив предварительно государя и получив его одобрение, рескриптом на имя военного министра просил последнего ходатайствовать перед Св. Синодом о назначении такого-то на должность протопресвитера. Военный министр сносился с Св. Синодом. Последний делал назначение, которое утверждалось государем.)

30 марта соответствующее ходатайство военного министра поступило в Св. Синод. Утром же этого дня была получена из г. Козлова телеграмма о смерти о. Е.П. Аквилонова. (Кончина была трогательно-христианской. Почувствовав приближение смерти, протопр. Е.П. Аквилонов приказал подать ему зажженную свечу, а присутствовавшего тут священника попросил читать отходную (особый чин «на исход души»). Во время чтения отходной умирающий, держа свечу в руках, всё время повторял: «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего протопресвитера Евгения». Не успел священник окончить молитвы, как о. Евгений с этими словами на устах отошел в вечность.) Ходатайство военного министра поэтому в Синоде не рассматривалось, тем более что через два дня поступило его новое ходатайство о назначении меня на должность протопресвитера.

Не могу не отметить тут одного совпадения. В октябре 1910 г. я убедил симбирскую помещицу Варвару Александровну Веретенникову пожертвовать свое огромное имение в Симбирской губернии (1340 дес.) со всеми постройками и инвентарем Скобелевскому комитету, для устройства в нем раненых и увечных воинов. Дело тянулось около полугода, иногда с большими трениями и опасностями для благополучного завершения. 30 же марта 1911 г. оно завершилось заключением у одного из петербургских нотариусов купчей крепости на имя Скобелевского комитета. Представление министра, сделанное в этот же день, было как бы наградой мне за хлопоты и заботы о несчастных наших воинах. Но видимой связи между этими двумя фактами не было.

Второе ходатайство о назначении меня на должность протопресвитера военного министра поступило в Синод в пятницу или в субботу Вербной недели, когда Синод заканчивал свои предпасхальные занятия. Послепасхальные заседания должны были начаться лишь во вторник Фоминой недели.

Претенденты на протопресвитерство воспользовались двухнедельным перерывом для устройства своих дел и для интриг против меня. Больше всех старался епископ Владимир (Путята), склонивший на свою сторону императрицу Марию Федоровну и великого князя Константина Константиновича; затем настоятель Преображенского (всей гвардии) собора, митрофорный протоиерей Сергей Голубев, за которого ратовал салон графини Игнатъевой; престарелый (80 л.) настоятель Адмиралтейского собора, митроф. прот. Алексей Ставровский подал морскому министру, адм. Н.К. Григоровичу, докладную записку, в которой доказывал, что именно он должен быть назначен протопресвитером, и эта записка была представлена в Синод; настоятель Сергиевского собора, председатель Духовного правления, прот. И. Морев, которому протезировал командир Конвоя его величества, князь Юрий Трубецкой, и др.

По достоверным сообщениям, на государя делался большой натиск, чтобы назначить не меня, а другого. Не меньший натиск делался и на обер-прокурора Св. Синода С.М. Лукьянова.

Между прочим, императрица Мария Федоровна очень настаивала на назначении еп. Владимира. Но государь устоял.

20 или 21 апреля, точно не помню, – Св. Синод назначил меня на должность протопресвитера, а 22 апреля государь утвердил доклад Синода.

Я и доселе не знаю, кто провел мою кандидатуру. Думаю, что более всего я обязан Е.П. Аквилонovu, весьма внимательно относившемуся ко мне и прекрасно аттестовавшему меня. Мне самому и в голову не приходило, что на мне могут остановиться. В высшие сферы я не был вхож и не стремился к ним. Как император Вильгельм сказал о своей жене, что она интересовалась только тремя «К» – Kirche, Kinder, Kueche («церковь, дети, кухня»), так и я могу сказать о себе: меня тоже интересовали только три «К»; кафедра церковная, кафедра школьная и кабинет, и ими я был совершенно удовлетворен.

По возрасту я был одним из самых молодых петербургских священников военного ведомства. О протопресвитерстве я и не думал, ибо считал себя и недостаточно заслуженным, и неподготовленным: мне только что исполнилось 40 лет, на штатном военном месте я состоял с конца января 1902 г., в данный момент в управлении ведомства я являлся последней спицей в колеснице нештатным членом Духовного правления при протопресвитере военного и морского духовенства. Моими плюсами были: степень магистра богословия (в ведомстве было всего три магистра), кафедра богословия в высшем учебном заведении и, обратившая на себя внимание и общества, и властей, моя работа на Русско-японской войне в должности сначала полкового священника, а потом (с 1 декабря 1904 г. по март 1906 г.) главного священника первой Маньчжурской армии. Но все эти плюсы не давали мне основания помышлять о протопресвитерской должности, которую следовало бы предоставлять лицам, заранее всесторонне подготовленным. Назначение, поэтому, явилось для меня полною неожиданностью.

На 5 мая мне был назначен прием у государя и государыни. Последнюю я до того времени ни разу не видел. Государю же раньше представлялся два раза.

В 1-й раз – 8 марта 1903 г., при посещении им Военной академии и Суворовской церкви; во второй раз – в марте 1906 г., по возвращении из Маньчжурии с театра военных действий. В последний раз всех нас представлявшихся (до 20 человек) выстроили в ряд, и государь, обходя ряд, беседовал с каждым из нас. Я впивался в каждое слово, в каждое движение государя, искал в его словах особый смысл и значение; мне хотелось уйти от государя очарованным, подавленным царским величием и мудростью. Но... государь удивил меня скромностью, застенчивостью, совсем не царскою простотою. Он точно стеснялся каждого; подходил к нему осторожно; смущаясь, задавал вопросы; иногда как будто искал вопросов; самые вопросы были просты, однообразны, шаблонны: «Где служили?», «В каких боях были?», «Ранены ли?» и т. п. Впрочем, иногда он удивлял своею памятью. В числе представлявшихся был лейтенант Иванов, кажется 14-й. Государь вспомнил, что этот Иванов 14-й служил на таком-то миноносце, такого-то числа ходил в бой и совершил такой-то подвиг,

Теперь государь принял меня в кабинете, наедине. Первыми его словами были:

– Вот как вы шагнули.

– Так угодно было повелеть вашему величеству, – ответил я.

Аудиенция продолжалась более 20 минут. Говорил больше я, развивая план своей работы, требовавшей больших перемен и в системе управления военным духовенством, и в системе духовного делания военного священника. Государь всё время поддакивал: «именно, так», «ну, конечно» и т. п. Когда я в заключение спросил: «Моя работа потребует, может быть, решительных действий. Могу ли я рассчитывать на поддержку вашего величества?», государь ответил: «Непременно, вполне рассчитывайте».

От государя меня провели к императрице. Она приняла меня стоя, начав говорить о важной роли военного священника и огромном значении предстоящей мне работы. Императрица

говорила с акцентом, но грамматически правильно и умно. Когда она кончила речь о предстоящей мне работе, я сказал:

– Я, ваше величество, не царедворец и не дипломат, и, вступив на указанную мне его величеством дорогу, считаю первым своим долгом всегда говорить правду своему государю, не только тогда, когда она ему приятна, но и когда неприятна. Что государь любит Родину – в это все мы должны верить, а что он, как человек, может ошибаться, это все мы должны помнить, и каждый по силе обязан оберегать его от невольных ошибок.

– О, если бы все у нас так рассуждали, как вы теперь говорите, – заметила государыня, – а то большинство думает не о благе Родины и не о государе, а о себе, о своей выгоде.

Лицо императрицы при этих словах было скорбно, разочарованность в людях звучала в ее голосе.

9 мая я вступил в исполнение «парадной» стороны своей службы. В этот день в Гатчине был высочайший парад лейб-гвардии Кирасирскому ее величества полку. Никогда раньше я не был на подобном торжестве. Картина парада буквально потрясла, ошеломила меня. Стройные ряды кирасир в блестящих латах и шлемах; нарядная толпа полковых и придворных дам во главе с императрицей-матерью; масса увешанных всевозможными знаками отличия высших военных чинов; блестящая царская свита, наконец, сам царь, кроткий и вместе величественный, в полковом блестящем мундире с голубой лентой. Склоняются знамена, гремит музыка, а за нею – громовое «ура»... Государь обходит фронт, за ним тянется пестрая, разноцветная лента свиты и начальствующих... Во всем этом чувствовалось величие, мощь России, чувствовалось что-то необъяснимое, невыразимое словами.

После того я множество раз присутствовал на таких торжествах. Я обязан был, раз государь принимает полковой парад, совершать при этом молебствие. И всё-таки я не приучил себя к хладнокровию. Всякий раз, когда входил государь, когда опускались знамена, начинала греметь музыка, – какой-то торжественный трепет охватывал меня. (Какой духовный подъем я испытывал во время величественных царских парадов, может показать следующий факт. Это было в 1913 г. Пасхальную утреню и литургию я совершал в этом году в Государевом Феодоровском соборе (в Царском Селе). По окончании службы я со всем сослужившим мне духовенством разговлялся во дворце. После строгого семинедельного поста я имел неосторожность теперь съесть кусок жирной ветчины и выпить бокал холодного шампанского. Сейчас же после разговенья я почувствовал острую боль в животе, которая быстро усиливалась, и я еле добрался до дому. У меня началась сильнейшая дизентерия, сопровождавшаяся мучительными болями. Врачи уложили меня в кровать, запретив всякое движение. Между тем на следующий день предстоял высочайший парад в Царском Селе, на котором я обязан был присутствовать. Врачи и слышать не хотели о моей поездке. Домашние со слезами умоляли меня не ехать. Но я всё же поехал, несмотря на невероятную слабость. Вышедши с духовенством к аналою перед приездом государя, я вынужден был держаться за стоявший возле аналоя столик, чтобы не упасть. Но вот приехал государь: заиграла музыка, загремело «ура», склонились знамена, и я забыл про свою болезнь. Откуда-то явились силы – я бодро отслужил молебен, обошел с государем фронт, окропляя святой водой, и затем отсидел весь высочайший завтрак, не отказываясь ни от одного из предложенных яств. К удивлению и врачей и домашних, я вернулся домой совершенно бодрым и здоровым.)

Итак, обошедши фронт, государь вошел в ложу, против которой стоял аналой с крестом и Евангелием, и почтительно поздоровался с матерью. Начался молебен.

Богослужение в высочайшем присутствии соединилось с особыми церемониями, в которых я еще не мог разобраться. Государь понял это. И вот, прикладываясь ко кресту, он вполголоса сказал мне: «Вы же матушке поднесите крест». Меня очень тронула предупредительность государя, без которой я мог бы погрешить против этикета. Но удивило меня другое. После молебна государь спросил командира полка ген. Бернова: «Кто это совершал молебен»? –

«Новый протопресвитер», – ответил Бернов. «Как же это я не узнал его, – он мне на днях представлялся», – удивился государь.

Кажется, в конце мая в Аничковом дворце я представлялся вдовствующей императрице. От начальницы Смольного института, светл. княжны Ел. Ал. Ливен, очень близкой к императрице Марии Феодоровне, я очень много слышал как о большой доброте императрицы-матери и горячей любви ее к Родине, так и о больших неладах ее с молодой императрицей.

Приняла меня императрица просто и приветливо. В уме она, конечно, уступала молодой императрице. Замечательно, что хоть она прожила в России около 50 лет, но она не умела правильно говорить по-русски... Это, впрочем, не умаляло ее самой искренней и глубокой любви к нашей Родине.

На 19 июня (воскресенье) мне был назначен прием у Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича в его имении Отрадное, в шести верстах от Стрельны. Как я уже сказал, я ни разу не видел его вблизи. О характере великого князя ходили самые невероятные слухи. Резкий, часто грубый и даже жестокий, взбалмошный и неуравновешенный – таким рисовался, по слухам, великий князь. Я ехал не без смущения: как-то он меня примет? На станции Лигово в купе, где я сидел, вошел ген. – майор И.Е. Эрдели, бывший в то время не то генерал-квартирмейстером Петербургского округа, не то командиром лейб-гвардии Драгунского полка. На его вопрос: «Куда вы едете?» – я совсем не дипломатично ответил: «К великому князю Николаю Николаевичу. Как-то он меня примет? О нем ведь рассказывают невозможное: что он резкий, грубый и т. п.» – «Всё неправда, – сказал Эрдели. – Будете очарованы, – это удивительно сердечный, внимательный, радушный человек».

На станции Стрельна меня ждал автомобиль великого князя. Около 10 ч. утра я подъехал к крыльцу дома великого князя, напоминающего среднюю помещичью усадьбу. Последний встретил меня у порога своего кабинета, приняв благословение, словами: «Очень рад с вами познакомиться. После вашего назначения я внимательно следил за всеми газетами. Ни одна не отозвалась о вас худо». Разговор между нами продолжался не долго, так как я должен был совершать литургию в церкви великого князя. Мне сослужил иеромонах Сергиевой пустыни, обычно совершающий тут богослужение. Церковка, в парке, выстроена в стиле XVI века, очень уютная, украшена множеством древних (XV–XVII вв.) икон.

После литургии я был приглашен к завтраку. Мне указали место между великим князем и великой княгиней. Простота поразила меня. Великий князь сам из поданной на стол миски разливал в тарелку уху, сам несколько раз подкладывал мне икру и пр. Беседа велась душевно и непринужденно. Говорили о многом; конечно, и о деятельности военного духовенства. Между прочим, великий князь спросил меня, где должен находиться протопресвитер во время войны – в Петербурге или на фронте?

– По положению, в Петербурге, но думаю, что не оказалось бы препятствий быть протопресвитеру и на фронте, если бы во главе действующей армии стояли вы, – ответил я.

– Да, я тоже так думаю, – согласился великий князь.

– Это великолепно! – воскликнула великая княгиня. – Запомните это, и не оставляйте великого князя, если он окажется главнокомандующим на фронте.

Весь завтрак прошел очень оживленно, с сердечной простотой. Несмотря на совершенно новую для меня обстановку, я чувствовал себя как дома и совсем забыл про смутившие меня слухи о вспыльчивом и неуравновешенном князе. После кофе, который пили в гостиной, я откланялся.

С того времени до самой войны я не переставал чувствовать сердечное отношение ко мне великого князя, которое он старался подчеркнуть при каждом удобном случае. Встречаться с ним мне приходилось очень часто на высочайших парадах. Тут он всякий раз подходил ко мне принять благословение, справлялся о моем здоровье, задавал мне вопросы, свидетельствовав-

шие, что он живо интересуется моей работой. Несколько раз он приглашал меня к себе, чтобы посоветоваться со мною по разным делам.

Между прочим, однажды, после выхода пьесы великого князя Константина Константиновича «Царь Иудейский», он вызвал меня, чтобы узнать мое мнение об этой пьесе. Мне она не понравилась.

По прочтении у меня получилось впечатление: к святыне прикоснулись неосторожными руками. Особенно не понравился мне любовный элемент, сцена во дворе Пилата, где воины ухаживают за служанкой, внесенный в пьесу. Я чистосердечно высказал свое мнение великому князю.

– Очень рад, что вы думаете так же, как и я, – сказал Николай Николаевич.

Из тона его речи и из отдельных выражений нельзя было не заключить, что вообще он очень сдержанно относился к своему двоюродному брату, великому князю Константину Константиновичу.

Через несколько дней после этого разговора пьеса «Царь Иудейский» была поставлена капитаном лейб-гвардии Измайловского полка Данильченко на сцене в офицерском собрании этого полка. Присутствовал государь, великий князь Константин Константинович и много других высочайших особ. Был приглашен и великий князь Николай Николаевич с супругой. Но он не принял предложения.

Закончу о своем первом визите к великому князю Николаю Николаевичу. Вместе со мной выехал из Отрадного пасынок великого князя, герцог Сергей Георгиевич Лейхтенбергский. На вокзале он любезно спросил меня, не буду ли я против того, чтобы он сел со мною в одном купе. На любезность я мог ответить только любезностью. Мы поместились в отдельном купе первого класса.

Когда поезд тронулся, и разговор наш за шумом не мог быть слышен ни в коридоре, ни в соседнем купе, – герцог вдруг спросил меня:

– Батюшка, что вы думаете об императорской фамилии?

Вопрос был слишком прямолинейен, остр и неожидан, так что я смутился.

– Я только начинаю знакомиться с высочайшими особами; большинство из них я лишь мельком видел... Трудно мне ответить на ваш вопрос, – сказал я, с удивлением посмотрев на него.

– Я буду с вами откровенен, – продолжал герцог, – познакомьтесь с ними, – убедитесь, что я прав. Среди всей фамилии только и есть честные, любящие Россию и государя и верой служащие им – это дядя (великий князь Николай Николаевич) и его брат Петр Николаевич. А прочие... Владимировичи шалопаи и кутилы; Михайловичи – стяжатели, Константиновичи – в большинстве, какие-то несурзные. (Я сильно смягчаю фактические выражения герцога.) Все они обманывают государя и прокучивают российское добро. Они не подозревают о той опасности, которая собирается над ними. Я, переодевшись, бываю на петербургских фабриках и заводах, забираюсь в толпу, беседую с рабочими, я знаю их настроение. Там ненависть всё распространяется. Вспомните меня: недалеко время, когда так махнут всю эту шуштуру (то есть великих князей), что многие из них и ног из России не унесут...

Я с удивлением и с ужасом слушал эти речи, лившиеся из уст всё же члена императорской фамилии.

«Что это такое? – думал я. – Чистосердечная ли откровенность человека, которому я внушил доверие? Подвох ли какой? Или экзамен мне?»

Сознаюсь, что я был очень рад, когда поезд подкатил к Петербургу, и мы должны были прекратить этот революционный разговор.

В январе 1917 г. этот же герцог явился к командовавшему запасным батальоном лейб-гвардии Преображенского полка полковнику Павленко (в Петербурге) для конфиденциального

разговора. Полковник Павленко пригласил, однако, своего помощника полковника Приклонского. Не стесняясь присутствием третьего лица, герцог задал полковнику Павленко вопрос:

– Как отнесутся чины его батальона к дворцовому перевороту?

– Что вы подразумеваете под дворцовым переворотом? – спросил его полковник Павленко.

– Ну... если на царский престол будет возведен вместо нынешнего государя один из великих князей, – ответил герцог.

Полковник Павленко отказался продолжать разговор, а по уходе герцога он и Приклонский составили протокол, оставшийся, однако, без движения.

* * *

Заняв пост военно-морского протопресвитера, я достиг высшего звания, доступного для белого священника. По рангу чинов протопресвитер приравнивался к архиепископу в духовном мире, к генералу-лейтенанту – в военном. Он мог иметь личные доклады у государя. Положение его было более независимым, чем всякого епархиального архиерея, а его влияние могло простираться на всю Россию. Честолюбец в таком назначении мог бы найти большое удовлетворение.

Меня же мое положение с властвованием и почетом совсем не прельщало. Единственное, что в моем новом положении увлекало меня, – это возможность широкой работы. Но за этой перспективой виднелось много всякой горечи: расширение работы требовало нажима на военно-морское духовенство, а нажим всегда вызывает нарекания, обиды, обвинения и пр. Тут же всему этому в особенности надлежало случиться, ибо духовенство не было приучено к интенсивной и широкой работе. А так как недовольных моим назначением и без того было много, – к ним принадлежали все обойденные и их сторонники, – то я не мог сомневаться, что меня на новом пути ожидает немало трений. Всё же я, – можно сказать, с первого дня, – начал проводить решительно и отважно свой принцип: мы для дела, а не дело для нас. Пришлось несколько раз прибегнуть к самым крутым мерам, как, например, к расформированию целых причтов (Троицкого собора в Петербурге и Колпинского в Колпине) и всего управления Свечным заводом военного духовенства.

Обиженные и обойденные составили большой кадр моих противников, не стеснявшихся в средствах борьбы и по временам отравлявших мне существование. Первые три года управления своего ведомством я часто называл каторгой, которой я мог бы и не снести, если бы не встречал неизменной поддержки со стороны государя, великого князя Николая Николаевича и военного министра. За эти три года петербургское высшее общество, весь военный и морской мир, как и лучшая часть военно-морского духовенства, успели оценить мои стремления. Мне открывалось поле для более спокойной работы. Но в это время разразилась война.

Более подробное описание первых трех лет моей работы дало бы много интересных бытовых картин и фактов. Но я не хочу заниматься описаниями, где я оказывался центральной фигурой, и коснусь лишь одного эпизода, участником которого были высочайшие особы.

* * *

Митрополит Петербургский Антоний (Вадковский) как-то обмолвился:

– Я в своей епархии, Петербурге, – не могу самостоятельно назначить не только священника, но и просфорни. Лишь только открывается место, как меня засыпают просьбами, требованиями разные сиятельные лица, не исключая и высочайших особ. И устоять против таких требований часто не хватает сил.

Это отчасти испытал и я в первый же год управления ведомством военного духовенства.

В 1911 г. заканчивался постройкой в Петербурге на Николаевской набережной храм в память моряков, погибших в Русско-японскую войну.

Мне предстояло назначить священника к этому храму. Не успел я выбрать кандидата, как прибывший ко мне сенатор П.Н. Огарев сообщил от имени королевы эллинов Ольги Константиновны, что королева, председательница комитета по постройке храма, и ее брат, великий князь Константин Константинович желают, чтобы священником к этому храму был назначен иеромонах Алексей, ранее служивший на крейсере «Рюрик», бывший затем в плену у японцев и вывезший из плена знамя, за что он был награжден государем наперсным крестом на георгиевской ленте.

Ни видом, ни удельным весом иеромонах Алексей не годился для этой церкви. С лицом калмыка, безусый, косоглазый – его нельзя было отличить от японца. До принятия монашества он был сельским учителем. Затрудняюсь сказать, закончил ли он курс учительской семинарии, но среднего образования он не имел.

Я заявил сенатору Огареву, что считаю иеромонаха Алексея совершенно неподходящим кандидатом для столичной церкви, ибо он не получил высшего образования и совсем не обладает качествами, нужными для столичного священника. Кроме того, я считаю неудобным в церковь, посвященную памяти убитых моряков, назначать священника, которого не отличить от японца. Я просил мои соображения доложить королеве эллинов, Ольге Константиновне и великому князю и затем известить меня об их решении.

На следующий день сенатор Огарев сообщил мне, что и королева и великий князь настаивают на назначении иеромонаха Алексея.

– Что же делать, – ответил я, – приходится назначить... Но вспомните мои слова: через два-три месяца будете просить меня о замене иеромонаха Алексея другим.

Разговор этот происходил, насколько помню, 30 июня. В тот же день я назначил иеромонаха Алексея к церкви в память моряков. 1 июля я вышел на транспорте «Океан», любезно предоставленном мне морским министром, адмиралом И.К. Григоровичем, в плавание для ознакомления со службой морского священника.

Вернулся я в Петербург 11 июля. Оказалось, что сенатор Огарев уже несколько раз осведомлялся о времени моего возвращения. Извещенный о моем приезде, он немедленно явился ко мне.

– А вы, отец протопресвитер, ошиблись, – сказал он, здороваясь со мной. – Вы сказали, что через 2–3 месяца будем мы просить о замене отца Алексея другим, а вот пришлось просить об этом через 10 дней.

И тут он рассказал мне недобрую историю. Иеромонах Алексей, только что вступив в должность и осматривая заканчивавшуюся постройку, встретился в конторе строительного комитета с работавшей там барышней, которая приглянулась ему. Не задумываясь над последствиями, он начал приставать к ней... Та подняла скандал, а инженер-строитель С.Н. Смирнов составил протокол, который затем был представлен королеве.

Конечно, после визита сенатора Огарева я возвратил отца Алексея на прежнее место, а к храму-памятнику назначил достойнейшего пастыря, кандидата богословия Владимира Рыбакова.

Интересно дальнейшее поведение иеромонаха Алексея.

Недовольный возвращением на прежнее место, он подал прошение о снятии сана, потребовав, чтобы его желание было немедленно исполнено. Синод снял с него сан.

А мне был прислан указ об этом для объявления бывшему иеромонаху Алексею. Но бывший иеромонах Алексей отказался расписаться в чтении указа и возбудил дело об аннулировании решения Синода.

Всесильный обер-прокурор В.К. Саблер «поправил» дело: Синод вновь решил: «Так как иеромонах Алексей не расписался в чтении указа, то прежнее решение Синода считать недей-

ствительным». Остался открытым вопрос: что же снимает сан – воля Синода или подпись лишаемого сана?

Глава II

Сибирь, Туркестан, Кавказ, Ставрополь, Кубань. Наблюдения и впечатления

У протопресвитера военного и морского ведомства было одно завидное преимущество, которым он не только мог, но и обязан был пользоваться: для обозрения подчиненных ему церквей и посещения воинских частей он должен был объезжать всю Россию, ибо войска наши были разбросаны по всем углам необъятной русской земли. Такие поездки давали ему возможность наблюдать весь рост и достижения русской жизни. К этому представлялась тем большая возможность, что начальствующие лица всех ведомств охотно знакомили протопресвитера со всем новым и заслуживающим внимания, – стоило лишь ему проявить некоторый интерес.

За три года до войны я успел объехать: Кавказ, Туркестан, Сибирь, Западный край и побывал во многих центральных городах: Москве, Киеве, Одессе, Харькове, Костроме, Смоленске, Могилеве, Минске, Вильне, Ковно, Гродно, Варшаве и др. Сибирь я проезжал во второй раз, – в первый раз я наблюдал ее при поездке в Маньчжурию в 1904–1906 гг. Особенный интерес представляло посещение окраин – Сибири, Тукустана и Кавказа. Там жизнь кипела ключом, чрезвычайный прогресс виднелся во всем. Там можно было воочию убедиться, как быстро шел вперед культурный рост России, обещавший стране величие, а народу благоденствие.

После Русско-японской войны началось усиленное переселение крестьян из разных губерний Европейской России в Сибирь. Скоро Сибирь стала неузнаваема. В 1904 г., когда я, едуци на войну, впервые увидел Сибирь, там даже прилегающие к железной дороге места не были заселены. Вдоль железнодорожного пути тянулась бесконечная тайга, и только изредка встречались поселки. Проезжая в августе 1913 г. Сибирь, я не узнавал ее: везде виднелись обширные поля и сенокосы; уборка хлебов и сена всюду производилась машинами, поля обрабатывались пароконными плугами – одноконных плугов не было видно. В этом отношении Сибирь опередила не только северную и западную, но и центральную Россию, где в то время еще не вывелась соха, а серпы и косы оставались в крестьянских хозяйствах единственными орудиями при жатве и косьбе.

Прежние маленькие сибирские городишки теперь разрослись в большие города. Новониколаевск-на-Оби, в 1904 г. имевший, кажется, не более 15 тысяч жителей, в 1913 г. насчитывал 130 тысяч жителей. Девственная сибирская земля щедро вознаграждала всякого, кто отдавал ей свой труд. В Красноярске, Томске и Омске мне много рассказывали: об удивительных урожаях пшеницы – сам 40, о бесконечных богатейших пастбищах для скота, об обилии дичи в лесах, о кишевших рыбой сибирских реках, о чудовищных минеральных богатствах Алтая, о беспредельных лесных пространствах, о целебнейших минерально-водных источниках Алтая.

Алтайская минеральная вода и Ямаровка – забайкальская – не уступали нашим боржому и нарзану, но почему-то не получили распространения дальше Сибири.

Океанское побережье нашего Дальнего Востока меня в особенности поразило своим рыбным богатством.

Приблизительно в десяти километрах от Владивостока находится так называемый Русский остров, на котором в 1913 г. квартировала 9-я Сибирская стрелковая дивизия с 9-й Сибирской артиллерийской бригадой. 20 августа этого года 33-й Сибирский полк, в котором я служил во время Русско-японской войны, угощал меня ужином. Когда подали огромную рыбу, командир полка пояснил мне:

– Это рыба собственного улова. Купил я солдатам сети, – думал: пусть развлекаются. А они этими сетями в течение двух недель наловили что-то около 2000 пудов рыбы. Мы ее варили и жарили, и раздавали, и впрок насолили, – и всё же много пришлось выбросить.

А накануне этого дня я был в заливе Посьет, куда меня доставил военный корабль под командой капитана I ранга Иванова. Последний, узнав от кого-то, что я любитель рыбной ловли, захватил с собою сети. И вот на моих глазах сеть была заброшена. Одна тоня дала 35 пудов самой разнообразной рыбы. Возвращаясь из Посьета, мы ели чудную уху из рыбы собственного улова.

Приамурский край удивил меня разнообразием климата, флоры и фауны. В Хабаровском арсенале (в нескольких верстах от города) я видел столб-памятник с надписью: «На этом месте в 1885 г. – такого-то числа и месяца – был убит тигр». И этот край изобиловал всякого рода богатствами.

Знавшие Сибирь предсказывали ей величайшую будущность. И Сибирь шла к ней быстрыми шагами.

Туркестан перед Великой войной представлял не менее интересную картину. Там можно было наблюдать и остатки древнейшей культуры – в многочисленных памятниках старины, в укладе жизни туземцев, в способах обработки ими земли, – и пышный расцвет новой, превращавшей голодную степь в текущую молоком и медом землю. В расцвете Туркестан не уступал Сибири, а ввиду необыкновенного плодородия своей земли должен был опередить ее.

В апреле – мае 1914 г. я, перерезав Туркестан по линии Ташкент – Скобелев – Самарканд – Ашхабад – Красноводск – Кушка – Мерв, всюду наблюдал удивительные результаты производившейся там в последнее время колоссальной культурной работы. Рядом с огромными еще пространствами голой, выжженной солнцем степи особенно рельефно выделялись оазисы с пышной, как роскошный сад, растительностью, – эти искусственно орошенные местности с каждым годом всё увеличивались. На полях насаждались, всё размножаясь, ценнейшие культуры: хлопка (в г. Скобелеве ферганский губернатор рассказывал мне, что в 1913 г. одна Ферганская область продала хлопка на 40 млн рублей, когда раньше тут хлопок совсем не производился), риса; развивалось садоводство: в 1914 г. насчитывали до 120 сортов винограда; яблоки, груши, сливы и вишни чудного качества производились в невероятном количестве. Быстро развивалось виноделие, обещавшее выбросить на рынок огромное количество новых десертных вин весьма высокого качества. Разрасталось шелководство и пчеловодство и т. д.

Одним из замечательнейших достижений Туркестана было облесение песчаной степи, в особенности на участке железной дороги Ашхабад – Красноводск, обратившее на себя внимание специалистов-ученых чуть ли не всего мира.

Выстроенная ген. Анненковым Закаспийская железная дорога встретила со страшным врагом – сыпучими песками, беспрестанно заносившими железнодорожный путь. Очистка пути от этих песков стоила огромных средств, не говоря о том, что заносы постоянно расстраивали железнодорожное движение. Предотвратить бедствие можно было только облесением прилегающего к железнодорожному пути пространства. Но почва была такова, что на ней не принималось никакое растение. Одному инженеру (к сожалению, из памяти совершенно улетучилась фамилия этого замечательного человека, хотя образ его, как живой, стоит перед моими глазами) удалось найти одно примитивное растение, которое не погнушалось закаспийскими песками, но было столь слабо, что ни в какой степени не могло защитить железнодорожный путь. Инженер нашел другое, более сильное растение, которое под покровом первого смогло осесть на песке, и затем на закрепленной этими двумя растениями почве он насадил особое туркестанское дерево – саксаул, которое совсем оградило железную дорогу от песков. Французские и английские инженеры, мечтавшие об облесении Сахары, специально приезжали в Закаспийскую область, чтобы ознакомиться со способом облесения закаспийских песков.

Но закаспийский опыт, объяснял мне инженер, может быть не приложим к Сахаре, ибо пески бывают разной породы. В Астраханских степях, например, различалось восемь пород песков, для каждой из которых требовались особые растения.

Говоря о Туркестане, нельзя не упомянуть об одном, весьма оригинальном, но, несомненно, благодетельном культуртрегере (нем. – «носитель культуры») этого края, великом князе Николае Константиновиче. Сосланный императором Александром III за какую-то не соответствующую его званию проделку в Туркестан, он поселился в Ташкенте и там проводил жизнь, дававшую обильный материал для всевозможных разговоров. Великий князь жил уединенно, замкнувшись в своем огороженном стеной дворце, а от времени до времени удивлял своими эксцентричностями. Прибыв однажды к настоятелю Ташкентского военного собора, прот. Константину Богородицкому, он в категорической форме потребовал, чтобы его немедленно обвенчали с 17-летней гимназисткой. Прот. Богородицкий отказался исполнить просьбу, ибо великий князь состоял в браке. Великий князь ушел от него возмущенный «оказанной ему несправедливостью». 23 апреля 1914 г. ген. – губернатор А.В. Самсонов рассказывал мне, что незадолго перед тем великий князь Николай Константинович вызвал 500 человек, чтобы перемостить одну из главных ташкентских улиц, почему-то ему не понравившуюся. Чтобы предотвратить нашествие, ген. Самсонов должен был лично убедить великого князя, что этот ремонт надо отложить на некоторое время.

И, однако, этот великий князь оказался несомненным благодетелем Туркестана, когда не пожалел больших средств, чтобы оросить так называемую Голодную степь, ранее бывшую бесплодной пустыней, а потом ставшую одним из благословенных уголков богатейшего Туркестана.

В апреле 1914 г., будучи в Ташкенте, я сделал визит великому князю, на который он ответил немедленной присылкой своей карточки. Проезжая затем через цветущую Голодную степь, я отправил ему телеграмму с выражением своего восторга перед совершенным им великим делом. Вернувшись затем в Ташкент, я нашел целую папку присланных мне великим князем прекрасных акварелей, представляющих Голодную степь в ее прежнем виде и преображенную его заботами.

Поездку по Туркестану я представляю теперь, как какой-то волшебный сон, где мне рисовалось величественнейшее будущее этого края, неотделимое от величия всей России. И только Красноводск – конечный пункт Закаспийской железной дороги, – город на берегу Каспийского моря, окруженный высокими, лишенными всякой растительности, горами, в летнее жаркое время напоминал тот ад, в котором будут жариться и париться души неисправимых грешников, способствующих устроению вместорая ада на земле.

Кавказ я проехал в 1911 и 1916 гг., когда побывал в городах Баку, Тифлисе, Кутаисе, Батуме, Александрополе, Карсе. Кавказ воспет поэтами. Он не мог не поражать наблюдателя несравненной красотой природы, разнообразием народностей, оригинальнейшим кавказским гостеприимством, совершенно особым укладом всей кавказской жизни. Не знающий кавказских нравов и обычаев мог удивляться на каждом шагу.

Прибыв в первый раз в Тифлис 2 или 3 октября 1911 г., я счел обязательным посетить все воинские части, расквартированные в этом городе. Меня неотлучно сопровождал командир Кавказского корпуса, генерал А.З. Мышлаевский, бывший талантливый профессор Академии Генерального штаба и мой сослуживец. В 17-м драгунском Нижегородском полку, считавшемся Кавказской гвардией, нас чествовали завтраком. Речи и тосты – это большое место кавказцев, – они для них «слаще меда и сота», – начались с первой чаши. Выступил старший полковник полка князь Медиков. Он говорил о радости полка, увидевшего в своей среде протопресвитера, молодого, энергичного, зарекомендовавшего себя на Русско-японской войне и т. д. и т. д. Complimentам там не было конца. «Итак, выпьем за здоровье ген. Мышлаевского», – закончил свой тост полк. Медиков. – «А я-то тут при чем?» – отозвался ген. Мышлаевский. И

я тогда был удивлен заключением тоста. После же я узнал, что заключение было вызовом ген. Мышлаевскому, чтобы тот продолжил речь.

В своем расцвете Кавказ не отставал от Сибири и Туркестана. С каждым годом разраставшиеся там чайные плантации, апельсиновые, мандариновые и лимонные рощи, рисовые поля и новые, легко прививавшиеся культуры разных южных фруктов обещали всё большие и большие блага краю, а через него и России.

После, во время Гражданской войны, мне пришлось познакомиться со Ставропольской губернией и Кубанской областью, землями, по библейскому выражению (Исх. III, 8), текущими медом и молоком. И та и другая поразили меня своим богатством: баснословное плодородие земли, множество скота, рыбы, дичи, всяких плодов земных, «вина и елея» – создавали жителям их чрезвычайное благоденствие. Дом каждого хозяина был – чаша полная. Великолепнейшие храмы, с богатейшей утварью, драгоценными иконами и иконостасами, – были храмы, где иконостас стоил свыше 200 000 руб., свидетельствовали о богатстве и щедрости жителей. Духовенство утопало в изобилии благ земных. Священник с годовым бюджетом в 10 тысяч руб. на Кубани представлял явление не исключительное (а ординарный профессор Дух. академии получал 3000 р. в год, бюджет же новгородского священника часто не превышал 400–500 руб. в год). Мне называли одного кубанского священника, который получал до 25 000 руб. в год. Такое обеспечение, однако, не способствовало ни подъему духовного уровня, ни повышению работоспособности ставропольского и кубанского духовенства. Благоденствие этого края обещало возрасти еще более. Помимо с каждым годом улучшавшегося земледелия, скотоводства, овцеводства, виноделия – там, в Кубанской области, начала развиваться нефтяная промышленность и были найдены изобиловавшие огромным количеством марганца озера. В 1919 г. американцы усиленно пытались заарендовать эти озера, заявляя, что за них они готовы будут кормить всю Кубань.

Стоило побывать на описанных мною выше трех окраинах и на Кубани, присмотреться к тамошним достижениям самых последних лет, чтобы убедиться, как быстро залечивались раны, нанесенные несчастной Русско-японской войной, и как быстро неслась Россия вперед, развивая и умножая свои природные богатства. Была не только надежда, но и уверенность, что вскоре наша Родина станет богатейшей и счастливейшей в мире страной.

Эта уверенность подкреплялась еще тем, что прогресс наблюдался почти во всех областях жизни и внутренней России – в торговле, промышленности, земледелии, в развитии школьного дела и, в частности, женского образования.

Кому Россия была обязана таким быстрым, всё прогрессирующим расцветом? На этот вопрос затрудняюсь ответить. Думаю, что блестящие министры последнего царствования – Столыпин, Витте, Кривошеин, Коковцов и другие своими настойчивыми и талантливыми мероприятиями способствовали всероссийскому прогрессу. Но было бы большой несправедливостью не отдать должное и личности императора Николая II, всегда и всей душой откликнувшегося на клонившиеся к народному благу разные реформы, если только эти реформы предлагались соответствующими министрами или иными начальниками. Всякий начальник мог быть совершенно уверен в поддержке императора, если только он сумеет представить ему необходимость и полезность нового начинания. Государь неподдельно и безгранично любил Родину, не страшился новизны и очень ценил смелые порывы вперед своих сотрудников. Это были драгоценные его, как правителя, качества, которым, к великому несчастью, не суждено было проявиться до конца и во всей силе.

Глава III

Распутинщина при дворе

Круг деятельности протопресвитера военного и морского духовенства ограничивался только армией и флотом, не простираясь на придворные сферы. Хотя и государь и все великие князья носили военную форму, числились в полках, многие из великих князей стояли во главе воинских частей или воинских учреждений и все, таким образом, были прежде всего военными, но входили они в паству протопресвитера придворного духовенства, духовные их нужды обслуживались придворным духовенством. В частности, царская семья имела своего духовника, каким обыкновенно бывал сам придворный протопресвитер, а богослужения для нее совершались в церкви дворца, где она жила, духовенством собора Зимнего дворца, при почти постоянном предстоятельстве придворного протопресвитера.

В последнее время этот исторически окрепший порядок потерпел некоторые изменения.

Летом 1910 г. скончался знаменитый придворный протопресвитер Иоанн Леонтьевич Янышев, оставивший, как талантливый ректор Академии, как ученый, как блестящий проповедник, великую память о себе и в то же время, как протопресвитер и администратор, – плохое наследство.

Я боюсь решать вопрос, что помешало мудрому, просвещенному, пользовавшемуся беспримерным авторитетом и среди своих питомцев, и среди духовенства, и среди иерархов, Иоанну Леонтьевичу стать таким же блестящим организатором-протопресвитером (1883–1910), каким он был ректором СПб. Духовной академии (1866–1883).

Может быть, И.Л. не придавал значения личному составу в своем ведомстве; может быть, и его великой душе не чужды были некоторые мелкие чувства, как опасение соперничества, боязнь, как бы другой талант не затмил его, или властолюбие, с которым не всегда покорно мирятся сильные подчиненные; и эти чувства, может быть, заслоняли от него тот ущерб для дела, который в особенности должен был выявиться после ухода Иоанна Леонтьевича, своим личным величием, авторитетом и обаянием закрывавшего от посторонних глаз пустоту и незначительность личного состава его ведомства.

Каковы бы ни были причины факта, но факт был налицо: придворное духовенство, несмотря на прекрасное материальное обеспечение и все исключительные преимущества и выгоды своего положения, блистало отсутствием талантов, дарований, выдающихся в его составе лиц. В общем, может быть, никогда раньше состав его не был так слаб, как в это время: Иоанна Леонтьевича нечем было заменить. Между тем, еще при его жизни потребовались заместители; в последние годы он ослабел, ослеп. Поэтому еще при жизни своей он должен был передать другим обязанности царского духовника и законоучителя детей.

Вступив в должность протопресвитера через несколько месяцев после смерти И.Л. Янышева, я застал придворное духовенство в таком положении.

Заведывающим придворным духовенством был протоиерей, вскоре назначенный протопресвитером, Петр Афанасьевич Благовещенский. Духовником их величеств состоял протоиерей Николай Григорьевич Кедринский, а законоучителем детей – прот. Александр Петрович Васильев. Таким образом, одного Янышева заменяли трое, но и трое заменить не смогли. Скажу о каждом особо.

Протопресвитер Благовещенский занял место Янышева, уже будучи 80-летним старцем. Добрый и степенный – он никогда, однако, не выделялся из ряда посредственных, теперь же он представлял развалину: еле передвигался с места на место и всё забывал: у киевского митрополита Флавиана, например, всякий раз спрашивал, из какой он епархии. Однажды вместо Петропавловского собора, где должен был служить в высочайшем присутствии панихиду, заехал

в Зимний дворец и там более часу бродил по комнатам, ища неизвестно кого, а в Петропавловском соборе в это время терялись в догадках: куда же делся протопресвитер. В 1913 г., в первый день Пасхи, пока доехал до Царского Села для принесения в 12 ч. дня поздравления государю, забыл, что утром в соборе Зимнего дворца совершал литургию и т. д. Конечно, ни о каком управлении им ведомством не могло быть и речи. Протопресвитером управляли все, а сам протопресвитер не мог управлять и самим собою. Дело дошло до того, что однажды протопресвитер Благовещенский поехал жаловаться императрице Марии Феодоровне (у которой он был духовником) и государю, что духовник – прот. Кедринский притесняет и обижает его. Те постарались его утешить.

Прот. Н.Г. Кедринский еще при Янышеве попал в духовники по какому-то непонятному недоразумению. Хоть за ним и числились академический диплом, и стаж долгой придворной службы, на которую он попал чрез «взятие», женившись на дочери пресвитера собора Зимнего дворца, прот. Щепина, но и академическое образование и придворная служба очень слабо, почти незаметно отразились на первобытной, не поддававшейся обтеске натуре отца Кедринского. Он представлял тип простеца, не злого по душе, но который себе на уме, довольно хитрого и недалекого.

Ни ученых трудов, ни общественных заслуг за ним не значилось. Его малоразвитость, бестактность и угловатость давали пищу бесконечным разговорам и насмешкам. Более неудачного «царского» духовника трудно было подыскать. При дворе это скоро поняли, ибо трудно было не понять его. Придворные относились к нему с насмешкой. Царь и царица терпели его. Но и их многотерпению пришел конец. Высочайшим приказом от 2 февраля 1914 г. отец Кедринский был смещен. Самый факт смены царского духовника, хоть и подслащенный назначением смещенного на должность помощника заведующего придворным духовенством, был беспримечен в прошлом и показывал, как мало отвечал своему назначению отец Кедринский. При увольнении он выпросил себе право по-прежнему пользоваться придворной каретой и был очень счастлив, когда это право за ним оставили. При первой встрече со мною после своего увольнения он прежде всего похвастался: «Карету мне оставили». Рассказывали, что и с каретой у него выходили недоразумения, ибо он слишком злоупотреблял своим «каретным» правом, вызывая парадную карету даже для поездок в баню.

Своим разъездам в карете, да еще в придворной, с лакеями в красных ливреях, отец Кедринский придавал особое значение. Помнится, однажды он спросил меня:

– Ужели вы ездите на извозчике?

– На извозчике я езжу редко, чаще в трамвае, – ответил я.

Он сразу переменял разговор. С началом революции карету у него, конечно, отняли, и он, оставшись без кареты и забыв, как ездят в трамвае, в первый же месяц, садясь в трамвай, оступился, причем ему отрезало ногу.

Прот. А.П. Васильев, родом из крестьян Смоленской губ., был учеником Татевской школы (в Смоленской губ.) знаменитого С.А. Рачинского. Курс СПб. Духовной академии он окончил в 1893 г., но ученой степени кандидата богословия не получил. Кажется, какие-то семейные обстоятельства помешали ему написать кандидатское сочинение. Он очень долго служил в церкви Крестовоздвиженской общины сестер милосердия в Петербурге, законоучительствовал в нескольких гимназиях и очень много проповедовал среди рабочих Нарвского района. До назначения ко двору он пользовался в Петербурге известностью прекрасного народного проповедника, дельного законоучителя и любимого духовника. Прекрасные душевные качества, доброта, отзывчивость, простота, честность, усердие к делу Божьему, приветливость расположили к нему и его учеников, и его паству. Кроме того, отцу Васильеву нельзя было отказать не только в уме, но и в известной талантливости.

У отца Васильева была очень большая, благочестиво настроенная семья. Упоминаю о семье потому, что, как мне думается, многосемейность царского духовника очень влияла на его отношение к событиям, развертывавшимся при дворе.

В другое время и при других обстоятельствах отец Васильев, может быть, удачно справился бы с большой задачей царского духовника (А.П. Васильев сменил Кедринского в должности царского духовника. С 1910 г. о. Васильев состоял законоучителем царских детей). Но, к его несчастью, это была особенная пора, когда царский духовник обязательно должен был выступить на борьбу с «темными силами» и или победить их, или сойти со сцены. Это был крест отца Васильева, которого он не мог снести.

Рядом с этими тремя официальными, ответственными за духовную работу при дворе лицами стояло еще одно лицо, которое фактически было негласным духовником и наставником в царской семье, лицо, пользовавшееся в ней таким бесспорным авторитетом, каким не пользовался ни талантливый, образованнейший прот. Янышев, ни все три вместе заместители его, – это был тобольский мужик Григорий Ефимович Распутин или Новых, или, как называли его в царской семье, «отец Григорий».

В 1915 г. великий князь Николай Николаевич, тогда всемерно боровшийся с распутинским влиянием на царскую семью, однажды сказал мне:

– Представьте мой ужас: ведь Распутин прошел к царю чрез мой дом...

История восхождения Распутина к «славе» была такова.

В начале нашего столетия огромной популярностью в высших благочестивых кругах г. Петербурга пользовался инспектор СПб. Духовной академии архимандрит (1901–1909 г.), а потом (1909–1910 г.) ее ректор – епископ Феофан (Быстров).

Большой аскет и мистик, он скоро стал известен при дворе, где увлечение мистицизмом было очень сильно. Первою из высочайших особ близко познакомилась с отцом Феофаном великая княгиня Милица Николаевна, жена великого князя Петра Николаевича, живо интересовавшаяся всякими богословскими вопросами, затем вся семья великого князя Николая Николаевича и, наконец, чрез них царская семья.

Среди друзей еп. Феофана был священник Роман Медведь, почти однокурсник его по Академии, очень способный, хоть и очень своеобразный человек. Этот отец Медведь паломничал от времени до времени по монастырям, встретил в одном из них Распутина, узрел в нем Божьего человека и затем поспешил познакомить с ним еп. Феофана. Последний был очарован «духовностью» Григория, признал его за орган божественного откровения и, в свою очередь, познакомил его с великой княгиней Милицей Николаевной.

Распутин стал посещать дом великого князя Петра Николаевича, а затем и дом его брата великого князя Николая Николаевича. Обе эти семьи в ту пору увлекались духовными вопросами и спиритизмом. Особенная «духовность» Распутина пришлась им по сердцу.

Обе сестры, великие княгини (Анастасия и Милица Николаевны – дочери черногорского короля), были тогда в большой дружбе с молодой императрицей, еще более их мистически настроенной. Они ввели в царскую семью нового «пророка» и «чудотворца» Григория Распутина.

Скоро «пророк» занял в царской семье такое положение, что смог навсегда отстранить от нее разочаровавшихся в нем своих прежних покровителей: и великих княгинь, и еп. Феофана.

Чтобы разгадать секрет влияния Распутина на царскую семью, надо прежде всего разгадать характер императрицы, фактически во всем доминировавшей в семье и дававшей тон всему ее строю.

Немка по рождению, протестантка по прежней вере, доктор философии по образованию, она таила в своей душе природное влечение к истовому, в древнерусском духе, благочестию. Это настроение было как бы родовым настроением ее семьи. Ее сестра, Елисавета Феодоровна, отдала последние свои годы монашескому подвигу. Целодневно трудясь в своей

обители (в Москве), ежедневно молясь в своей чудной церкви, она, кроме того, по воскресным дням предпринимала ночные путешествия пешком в Успенский собор к ранним богослужениям. Когда к ней приезжала погостить другая ее сестра Ирена (жена Генриха Прусского), то и та ежедневно посещала наше богослужение, а по праздникам сопутствовала сестре в ее ночных путешествиях в Успенский собор.

«Ирена всегда говорила, – рассказывала мне великая княгиня Елисавета Феодоровна, – что ничто не дает ей такого высокого наслаждения, как православное и в особенности в Успенском соборе богослужение».

Любимым занятием великой княгини была иконопись. Прежде чем приступить к написанию той или иной иконы, она, как древние наши праведные иконописцы, уединялась надолго (до двух недель) в своей моленной, находившейся рядом с алтарем церкви, и там строгим постом, молитвою и благочестивыми размышлениями подготавливала себя к работе. Написанные ею иконы отличались не только тщательностью отделки, но и особой духовностью, одухотворенностью.

В своей обители великая княгиня жила как истая подвижница, отрешившись от всякого царского великолепия: питалась скудно, одевалась до крайности скромно, во всем показывая пример нищеты и воздержания.

Религиозное настроение императрицы по своей интенсивности не уступало настроению ее сестры. Императрица и по будням любила посещать церкви, являясь туда незаметно, как простая богомолка. По воскресным же и праздничным дням государыня неизменно присутствовала на всенощных и литургиях в Феодоровском Государевом соборе. Там она становилась или с семьей на правом клиросе, или отдельно в своей, устроенной с правой стороны алтаря, моленной, где перед креслом императрицы (болезнь ног заставляла ее часто присаживаться) стоял аналой с развернутыми богослужебными книгами, по которым она тщательно следила за богослужением. Фактически императрица была ктитормом этого храма, ибо весь храмовой распорядок, вся жизнь храма шли по ее указаниям, располагались по ее вкусу, – без ее ведома ничего не делалось.

Императрица прекрасно изучила церковный устав, русскую церковную историю; особенное же удовлетворение ее мистическое чувство получало в русской церковной археологии. Несомненно, под настойчивым влиянием императрицы за последние 20 лет в России в церковном зодчестве и церковной иконописи развилось особенное тяготение к старине, дошедшее до рабского, иногда, на наш взгляд, неразумного подражания. Новые лучшие храмы, новые иконостасы начали сооружать все в древнерусском стиле XVI или XVII века. Примеры этому: Феодоровский Государев собор в Царском Селе; храм в память 300-летия царствования Дома Романовых в Петрограде; храм-памятник морякам, тоже в Петрограде; отчасти новый Морской собор в Кронштадте.

В этом отношении особенного внимания заслуживает любимый царский Феодоровский собор в Царском Селе.

Собор этот – рабское, иногда грубое и беззастенчивое подражание старине. Лики святых, например, на некоторых иконах поражают своею уродливостью, несомненно, потому, что они списаны с плохих оригиналов XVI и XVII веков.

Для большего сходства со старинными некоторые иконы написаны на старых, прогнивших досках. Каким-то анахронизмом для нашего времени кажутся огромные железные, в старину бывшие необходимыми, вследствие несовершенства техники, болты, соединяющие своды собора. Да и вся иконопись, всё убранство собора, не давшие места ни одному из произведений современных великих мастеров церковного искусства – Васнецова, Нестерова и др., – представляются каким-то диссонансом для нашего времени. Точно пророческим символом был этот собор – символом того, что Россия скоро, во время разразившейся над нею бури, потряхнет

с себя всё «новое», современное, сметет всё, что было достигнуто за последние века гением лучших ее сынов, трудами поколений, всей ее историей, и вернется к XVI или XVII веку.

Еще резче, пожалуй, бросается в глаза эта дань увлечения стариной в величественном Кронштадтском соборе, освященном 10 июня 1913 г. в присутствии почти всей императорской фамилии, почти полного состава членов Государственного Совета, Государственной Думы, всех министров и множества высших чинов. Там новое и старое перепутано. Осматривая этот собор, точно блуждаешь среди веков, то и дело натываясь на копии, по-видимому, самых плохих мастеров XVI–XVII вв.

Но император, и особенно императрица, а за ними и покорные во всем, не исключая и вкусов, угодливые рабы, в коих не было недостатка, восхищались, восторгались, превознося старину и умаляя современное.

Для императрицы старина была дорога в мистическом отношении: она уносила ее в даль веков, к тому уставному благочестию, к которому, по природе, тяготела ее душа.

Императрице подвизаться бы где-либо в строго сохранившем древний уклад жизни монастыре, а волею судеб она воссела на всероссийском царском троне...

Но мистицизм такого рода легко уходит дальше. Он не может обходиться без знамений и чудес, без пророков, блаженных, юродивых. И так как и чудеса со знамениями, и истинно святых, блаженных и юродивых Господь посылает сравнительно редко, то ищущие того и другого часто за знамения и чудеса принимают или обыкновенные явления, или фокусы и плутни, а за пророков и юродивых – разных проходимцев и обманщиков, а иногда – просто больных или самообольщенных, обманывающих и себя, и других людей. И чем выше по положению человек, чем дальше он вследствие этого от жизни, чем больше, с другой стороны, внешние обстоятельства содействуют развитию в нем мистицизма, тем легче ему в своем мистическом экстазе поддаться обману и шантажу.

Обстоятельства и окружающая атмосфера всё больше и больше способствовали развитию в императрице болезненного мистического настроения. Несчастья государственного масштаба и несчастья семейные, следуя одно за другим, непрерывно били по ее больным нервам: ходынская катастрофа; одна за другой войны (Китайская и Японская); революция 1905–1906 гг.; долгожданное рождение наследника; его болезнь, то и дело обострявшаяся, ежеминутно грозившая катастрофой, и многое другое. Императрица всё время жила под впечатлением страшной, угрожающей неизвестности, ища духовной поддержки, цепляясь за всё из мира таинственного, что могло бы ее успокоить.

Распутин был не первым «духовным» увлечением в царской семье. Раньше его на этом же поприще подвизался француз Филипп (гр. Витте сообщает, что Филипп, не могший получить во Франции звание лекаря, у нас, за «духовные» заслуги при Дворе, получил от Военно-медицинской академии звание доктора медицины, а от правительства чин действ. статского советника, после чего щеголял в военной форме (*Vumme*. Воспоминания. Т. I. С. 246–247). Одновременно с Распутиным, пока тот еще не вошел в полную силу и не отстранил всех соперников, в царской же семье подвизался «блаженный» Митя косноязычный, издававший какие-то невнятные звуки, которые поклонники его «таланта» (среди них был тогда студент Духовной академии, ныне еп. Вениамин (Федченков), «прославившийся» во врангелевской армии) объясняли, как духовные вещания свыше. Во время Саровских торжеств в Дивеевской обители царь и обе царицы посетили «блаженную», а по выражению императрицы Марии Феодоровны – «злую, грязную и сумасшедшую бабу» (так выразилась императрица Мария Феодоровна в беседе со мной в Крыму 12 ноября 1918 г.), Пашу, которая при царе и царицах начала выкрикивать отдельные непонятные слова. Окружавшие Пашу монахини объяснили эти слова как пророчества.

Таким образом, Распутин не был первым, как не был бы и последним, если бы не разразилась революция. В этом заключалась главная трудность борьбы с Распутиным.

Приходилось бороться не столько с Распутиным, сколько с самой императрицей, с ее духовным укладом, с ее направлением, с ее больным сердцем, ни победить, ни изменить которые нельзя было.

Императрица, как я уже заметил, доминировала в семье. Весь уклад, весь строй жизни последней сложился по ее взглядам, по ее вкусу и дальше шел по определяемому ею направлению. Семья царская жила замкнуто, почти не общаясь даже с семьями императорской фамилии, избегая столь обычных раньше при Дворе развлечений и удовольствий: придворных балов, выездов и торжественных приемов, кроме самых неизбежных, в последнее время совсем не бывало. Жизнь царицы заполнялась главным образом семейными интересами и мистическими переживаниями.

Церковность занимала в царской семье видное место. В канун каждого церковного дня, а тем более праздника, вся царская семья отстаивала в любимом ею Феодоровском соборе всенощную, а в самый воскресный или праздничный день – литургию. Иногда богослужения совершались в Александровском дворце (Царское Село), в маленькой комнатке-церкви, причем хор составляли царица с дочерьми и Вырубова. Кроме того, императрица любила посещать с дочерьми и в будние дни церкви: Знамения, городской собор в Царском Селе и др. Зашедши в храм, она, как простая богомолка, выстаивала на коленях, ставила перед иконами свечи и т. п.

По вечерам царская семья любила собираться вместе: государь часто читал вслух, иногда императрица с дочерьми пела. Как она, так и девочки не оставались без занятий: шили, вязали, вышивали, рисовали. Царский комфорт как бы отсутствовал в семье. Царица во всем старалась провести экономию, устранить роскошь. Последнее особенно сказывалось в костюмах. И царица и дочери одевались чрезвычайно скромно, носили платья из самой простой ткани, старались донашивать их. Бывший военный министр генерал А.Ф. Редигер (умер в 1920 г.) сообщает в своих записках (они не были изданы, – не знаю, уцелели ли) интересные факты. В один из его докладов государю ему пришлось ожидать, так как государь задержался на прогулке. Сидя в Александровском дворце в Царском Селе у окна, выходящего в парк, и поджидая государя, ген. Редигер, наконец, увидел возвращающегося пешком государя с пятью девочками.

В четырех ген. Редигер сразу узнал царских дочерей, но никак не мог догадаться, откуда же взялась пятая – меньшая. Когда вошел государь и со свойственной ему любезностью извинился, что, увлекшись прогулкой с детьми, задержал министра, ген. Редигер не удержался, чтобы не спросить: что это за маленькая девочка, которую государь вел за руку.

– Ах, это Алексей Николаевич (наследник), – смеясь сказал государь. – Он донашивает платья своих сестер. Вот вы и приняли его за девочку.

Второй случай, рассказываемый ген. Редигером, не менее характерен.

В 1906 или 1907 г. высочайшим приказом офицерству было велено сменить белые кителя на кителя защитного цвета. Всякая перемена в обмундировании больно ударяла по тощому офицерскому карману и болезненно переживалась даже в гвардии. Приказ был выполнен. Офицеры переоблачились в защитный цвет. И вдруг после этого государь появляется в белом кителе.

Началось среди офицеров беспокойство, пошли разговоры: опять будут введены белые кителя.

А между тем старые белые кителя уже были сбыты старьевщикам. Беспокойство и разговоры достигли такой степени, что военный министр решил доложить государю о волнениях в офицерской среде по поводу якобы предполагаемого возвращения к прежней форме. Государь удивился:

– Откуда взяли это?

– Ваше величество изволили являться в белом кителе, – заявил ген. Редигер.

– Ну, это недоразумение. У меня большой запас белых кителей, вот я и продолжаю пользоваться ими, – ответил сконфуженный государь. После этого государь уже более не показывался в белом кителе.

Императрица замкнулась в семью, мать в ней заслонила царицу. Как царица, она показывалась поневоле, в случаях крайней необходимости. Жизнь ее заполнялась главным образом семейными развлечениями и религиозными переживаниями.

Но это совсем не значит, чтобы она совершенно замкнулась в семейных интересах и не оказывала влияния на государственные дела. Последнему весьма способствовал характер государя, как и властность самой царицы и ее великодержавные взгляды.

Царь, добрый, сердечный, но слабовольный, был всецело подавлен авторитетом, упрямством и железной волей своей жены, которую он, вне всякого сомнения, горячо любил и которой был неизменно верен.

По складу своей натуры он не был ни мистиком, ни практиком; воспитание и жизнь сделали его фаталистом, а семейная обстановка – рабом своей жены. У него выработалась какая-то слепая покорность случаю, несчастью, в которых он неизменно видел волю Провидения. Он любил повторять слова Спасителя: «Претерпевший же до конца спасется» (Мф. XXIV, 13). Подчиняясь покорно всяким несчастьям, в каких не было недостатка в его царствование, он подчинился и влиянию своей жены, избранной для него его отцом, привык к ней и даже в очень значительной степени усвоил ее религиозное настроение. Если разные «блаженные», юродивые и другие «прозорливцы» для императрицы были необходимы, то для него они не были лишни. Императрица не могла жить без них, он к ним скоро привыкал. Скоро он привык и к Распутину.

Вступив в должность протопресвитера, я застал распутинский вопрос в таком положении.

Распутин в это время уже совершенно овладел вниманием царя и царицы. В царской семье он стал своим человеком. Попытки некоторых придворных парализовать влияние невежественного временщика кончались полной неудачей. Рассказывали, что смерть дворцового коменданта генерал-адъютанта В.А. Дедюлина последовала от страшного волнения после его решительного разговора с царем о Распутине. Рассорившийся с Распутиным епископ Феофан был удален в провинцию и оставался в царской немилости. Чтобы парализовать влияние Гришки, как обыкновенно в обществе называли Распутина, епископы Феофан и Гермоген провели в царскую семью другого «мастера», «Митю» косноязычного, но Митя скоро провалился, написав на бланке епископа Гермогена какое-то бестактное письмо государю, обидевшее последнего. Митю больше во дворец не пустили; Гришка праздновал победу. Решили тогда иначе расправиться с последним. Гришка был приглашен к епископу Гермогену, не прерывавшему еще с ним сношений.

Там на него набросились знаменитый Иллиодор, Митя и еще кто-то и, повалив, пытались оскотить его. Операция не удалась, так как Гришка вырвался. Гермоген после этого проклял Гришку, а государю написал обличительное письмо. Кажется, главным образом за это письмо еп. Гермогена отправили в Жировицкий монастырь, где он и оставался до августа 1915 г., до занятия его немцами. (Некоторые причиной увольнения Гермогена считали его протест против проекта великой княгини Елисаветы Федоровны о диакониссах, но это неверно: Гермоген пострадал из-за Гришки.)

Великие княгини Анастасия и Милица Николаевны, разгадавшие Распутина, теперь были далеки от императрицы. Кажется, ссора произошла именно из-за Распутина. Таким образом, старые друзья и покровители Распутина, ставшие его врагами, были устранены. Зато прибавилось у него много друзей и «почитателей».

На приемах у Распутина кого только не бывало? Члены Государственного Совета, министры, генералы, архиереи, даже митрополиты, князья и княгини, графы и графини... Известен

был большой сонм архиереев, преданных Распутину, покровительствуемых им. Он возглавлялся митрополитом Московским Макарием; среди них были архиепископы: Питирим (потом митрополит Петроградский), Алексей Дородницын (Владимирский), Серафим Чичагов (Тверской), еп. Палладий (потом Саратовский) и др. Самый близкий к императрице Александре Федоровне человек, фрейлина А.А. Вырубова, была вернопреданной рабой Распутина.

Слово последнего было везде всемогуще. Определенно утверждали, что под влиянием Распутина томский архиепископ Макарий, семинарист по образованию, был назначен московским митрополитом; псковский еп. Алексей Молчанов (опальный) – экзархом Грузии (экзаршеская кафедра в Грузии следовала после трех митрополичьих, являясь, таким образом, четвертой по важности архиерейской кафедрой в России); опальный (после бестолково проведенных им торжеств открытия мощей свят. Иоасафа Белгородского) же архиепископ Питирим быстро поднялся из Владикавказа на Самарскую кафедру, а затем в экзархи Грузии и петроградские митрополиты. Подобному же влиянию Распутина приписывали и разные высокие назначения по гражданскому ведомству.

Как же держало себя по отношению к Распутину придворное духовенство?

Протопресвитер Благовещенский... Думаю, что о нем и говорить в данном случае не стоит. По старческому маразму он иногда, наверно, забывал, кто такой Распутин и есть ли он. А если бы и помнил и хотел что-либо сделать, всё равно он не мог ничего сделать, по немощи сил своих.

Прот. Н.Г. Кедринский... К чести его надо сказать, что тут он держал себя с достоинством. В борьбу с Распутиным он не вступал, благоразумно учитывая свои силы, но зато он совершенно игнорировал Распутина. И это тем более заслуживает внимания, что в то же время он постоянно заискивал не только перед фрейлинами и флигель-адъютантами, но даже и перед царскими лакеями, няней (М.И. Вишняковой), дворцовой прислугой и проч.

Прот. А.П. Васильев, раньше бывший законоучителем царских детей, а в 1914 г. занявший и должность царского духовника, относился к Распутину иначе.

Распутин бывал в его доме, принимался с почетом. Дети отца Васильева будто бы относились к Распутину, как к духовному лицу, при встречах целовали его руку.

Отношения между самим о. Васильевым и Распутиным были весьма дружеские.

Я видел Распутина всего два раза, и то издали: один раз на перроне Царскосельского вокзала, другой раз в 1913 г. на Романовских торжествах в Костроме. Там, во время торжественного богослужения литургии, когда царь, царица, все особы императорской фамилии и высшие чины стояли за правым клиросом и дальше в храме, на левом клиросе стоял Распутин. Очевидно, так было повелено: иначе его попросили бы уйти отсюда.

По освящении в 1912 г. Феодоровского собора он сделался Царским собором. Царская семья стала постоянно посещать этот собор. Начал часто посещать его и Распутин, причем становился в алтаре. В 1913 г. (2 июня) мне повелено быть почетным настоятелем этого собора, после чего меня часто приглашали служить в нем в высочайшем присутствии. (Как объяснял мне ктитор и строитель Феодоровского собора, полковник Д.Н. Ломан, и постройка этого собора, и назначение меня его почетным настоятелем были вызваны отношением царя и царицы к своему духовнику, прот. Кедринскому. Царицу, вообще, не удовлетворяла придворная церковная служба: чинная, размеренная и стройная, но уж очень, правда, сухая, казенная. А тут еще несимпатичный совершитель ее. Правда, и самая крохотная церковка в Александровском Царскосельском дворце, где совершалось богослужение для царской семьи (прекрасным собором в Екатерининском дворце почему-то не пользовались), очень мало располагала к подъему религиозного чувства. В 1909 г. царь и царица начали посещать церковь Сводного полка, устроенную в самой казарме, в одной из комнат, и уютно полк. Ломаном обставленную, где священник этого полка прот. Н. Андреев служил не по-казенному. А затем был построен и в 1912 г. освящен Феодоровский собор. Фактически ставший главным придворным собором,

он, однако, был передан в военное, а не в придворное ведомство: подчинен военному протопресвитеру, а причт его составлен из духовенства Конвоя его величества и Сводного полка. Придворное духовенство прямого отношения к нему не имело и могло являться лишь в качестве гостей. Духовенство собора Зимнего дворца, во главе с придворным протопресвитером, имевшее главной задачей обслуживать духовные нужды царской семьи и ее двора, после этого оказалось в нелепейшем положении: у них остался пустой Зимний дворец, паства же отошла к Феодоровскому собору, где хозяйничали другие. Пресвитер Зимнего дворца, протоиерей Колачев, понял это и забил было тревогу. Но сделать ничего нельзя было. Чем кончилось бы такое положение вещей, если бы не грянула революция, – трудно сказать.)

Но при моих богослужениях Распутин ни разу не присутствовал в соборе. Была ли это случайность или нежелание Распутина встречаться со мною – не решаюсь сказать. Во всяком случае, – мне передавали, – в другое время он аккуратно присутствовал при богослужениях в этом соборе.

Отдавшись своему прямому делу, соприкасаясь с придворной жизнью лишь при особых торжествах, на которых по своему положению я должен был присутствовать, я не имел ни повода, ни основания решительно вмешаться в распутинское дело, ибо ни армии, ни меня лично он не касался. Но всё же было несколько случаев, когда мне, *volens-nolens*, пришлось принять участие в этом роковом деле.

Расскажу о них.

В среду на первой неделе Великого поста (1912 г.) приехала ко мне за советом воспитательница царских дочерей, фрейлина Софья Ивановна Тютчева. Она не знала, как поступить: Распутин начал бесцеремонно врываться в комнаты девочек – царских дочерей даже и в то время, когда они бывали раздетые, в постели, и вульгарно обращаться с ними. Тютчева уже заявляла государю, но государь не обратил внимания. Теперь она спрашивала меня, должна ли она решительно протестовать перед государем против этого.

Я ответил, что должна, не считаясь с последствиями ее протеста. Положим, сейчас ее могут не понять и уволить, но зато после поймут и оценят. Если же она теперь не исполнит своего долга, то в случае какого-либо несчастья она подвергнется огромной ответственности. Тютчева протестовала, и ее за это уволили. Потом я видел ее в 1917 г. в Москве. Она не раскаивалась в своем поступке.

10 июня 1913 г. в присутствии государя и многих высочайших особ, всех министров, членов Государственного Совета и Государственной Думы, множества морских чинов – я освящал величественный Морской собор в Кронштадте. В конце литургии я произнес слово.

20 октября этого же года в Ливадии, после доклада государю о поездке в Лейпциг для освящения храма, я был приглашен к высочайшему завтраку. Рядом со мной сидела фрейлина А.А. Вырубова. Только мы уселись за стол, как она говорит мне:

– Батюшка, я никогда не забуду вашего слова при освящении Кронштадтского собора. Как вы тогда удивительно сказали: «В этом величественном храме и царь земной должен чувствовать свое ничтожество перед Царем Небесным». Эти слова произвели огромное впечатление не только на меня, но и на государя.

После этого случая она при каждой встрече со мною оказывала мне особое внимание.

Через несколько месяцев после нашей встречи в Ливадии она попросила меня уделить ей несколько минут для беседы, предоставив мне избрать место: или у меня, или в квартире ее отца (в музее Александра III). Я избрал второе.

В назначенный час мы сидели в столовой за чайным столом. Когда участвовавшая в чаепитии мать А.А. Вырубовой оставила нас одних, последняя обратилась ко мне:

– Я, батюшка, хочу поделиться с вами своими переживаниями. Кажется, я никому не делаю зла, но какие злые люди! Чего только они ни выдумывают про меня, как только они ни клеветуют! Вот теперь распускают слухи, что я живу с Григорием Ефимовичем...

– Охота вам, – перебил я ее, – обращать внимание на такие глупости. Ну, кто может поверить, чтобы вы жили с этим грязным мужиком?

Она сразу прервала разговор. Ясно, что моя реплика ей не понравилась. Хотела ли она расписать «старца» самыми яркими красками и меня привлечь на его сторону, но из моих слов заключила, что сделать этого нельзя, или она надеялась, что я сам выступлю на защиту «старца». Но расстались мы не так радушно, как встретились.

Всякий раз, когда мне приходилось бывать в Москве, я заезжал к великой княгине Елисавете Федоровне. Она была со мною совершенно откровенна и всегда тяжело скорбела из-за распутинской истории, по ее мнению, не предвещающей ничего доброго.

В начале 1914 г. прот. Ф.А. Боголюбов (настоятель Петропавловского придворного собора), со слов духовника великой княгини Елисаветы Федоровны, прот. Митрофана Сребрянского, сообщал мне, что великая княгиня собирается прислать ко мне о. Сребрянского с просьбой, чтобы я решительно выступил перед царем против Распутина, влияние которого на царскую семью и на государственные дела становится всё более губительным. О. Сребрянский, однако, ко мне не приезжал, а вскоре началась война.

Во второй половине мая 1914 г. ко мне однажды заехали кн. В.М. Волконский, товарищ председателя Государственной Думы, и свиты его величества генерал-майор, кн. В.Н. Орлов, начальник походной его величества Канцелярии. Первый был знаком со мной более заочно, со слов фрейлины двора Елизаветы Сергеевны Олив, моей духовной дочери; со вторым я очень часто встречался при дворе на разных парадных торжествах. Я знал, что кн. Орлов – самое близкое к государю лицо. Приехавшие заявили, что они хотят вести со мной совершенно секретную беседу. Я увел их в свой кабинет, совершенно удаленный от жилых комнат. Никто подслушать нас не мог. Там они изложили мне цель своего приезда.

Суть ее была в следующем. Влияние Распутина на царя и царицу всё растет, пропорционально чему растут в обществе и народе разговоры об этом и недовольство, граничащее с возмущением. Содействующих Распутину много, противодействующих ему мало. Активно или пассивно содействуют ему те, которые должны были бы бороться с ним. К таким лицам принадлежит духовник их величеств прот. А.П. Васильев. Прекрасно настроенный, добрый и честный во всем, тут он упрямо стоит на ложном пути, дружа с Распутиным, оказывая ему знаки уважения, всем этим поддерживая его.

– Я чрезвычайно чту и люблю о. Васильева, – говорил кн. Орлов, – как прекрасного пастыря и чудного человека, и потому особенно страдаю, видя тут его искреннее заблуждение в отношении Распутина. Несколько раз я пытался разубедить, вразумить его – все мои усилия до настоящего времени оставались бесплодными. Мы приехали просить вас, не повлияете ли вы на о. Васильева, не убедите ли его изменить свое отношение к Распутину.

Я пообещал сделать всё возможное. Условились так: я позвоню по телефону к о. Васильеву и буду просить его спешно переговорить со мною по весьма серьезному делу. Переговоривши с ним, я чрез кн. Волконского извещу кн. Орлова об исполнении обещания, а затем в назначенный час побываю у последнего один, без кн. Волконского. Вообще, чтобы не возбудить ни у кого, не исключая прислуги, каких-либо подозрений, мы условились соблюдать крайнюю осторожность, как при посещениях друг друга, так и в разговорах по телефону.

В тот же час я говорил по телефону с о. Васильевым. Последний пожелал сам приехать ко мне в 8 ч. вечера.

Не скажу, чтобы предстоящий разговор несколько не беспокоил меня. О. Васильев был мне очень симпатичен; от других я очень много хорошего слышал о нем; но близки с ним мы не были и, в общем, всё же я очень мало знал его. Как он отнесется к моей попытке вразумить его? А что, если он нашу беседу передаст Григорию, а тот царице? Добра от этого немного выйдет. Я решил действовать осторожно.

В 8-м часу вечера прибыл ко мне о. Васильев. Я принял его в парадной гостиной, удаленной от жилых комнат. Когда нам подали чай, я приказал прислуге больше не приходить к нам, а домашние мои раньше ушли из дому. Нас никто не слышал. Беседа наша длилась около трех часов. Скоро разговор перешел на интересующую меня тему о Распутине. О. Васильев не отрицал ни близости Распутина к царской семье, ни его огромного влияния на царя и царицу, но объяснял это тем, что Распутин, действительно, человек, отмеченный Богом, особо одаренный, владеющий силой, какой не дано обыкновенным смертным, что поэтому и близость его к царской семье и его влияние на нее совершенно естественны и понятны. О. Васильев не называл Распутина святым, но из всей его речи выходило, что он считает его чем-то вроде святого.

– Но ведь он же известный всем пьяница и развратник. Слыхали же, наверное, и вы, что он – завсегдатай кабаков, обольститель женщин, что он мылся в бане с двенадцатью великосветскими дамами, которые его мыли. Верно это? – спросил я.

– Верно, – ответил о. Васильев. – Я сам спрашивал Григория Ефимовича: правда ли это? Он ответил: правда. А когда я спросил его: зачем он делал это, то он объяснил: «Для смирения... понимаешь ли, они все графини и княгини и меня, грязного мужика, мыли... чтобы их унижить».

– Но это же гадость. Да и кроме того: постоянное пьянство, безудержный разврат – вот дела вашего праведника. Как же вы примирите их с его «праведностью»? – спросил я.

– Я не отрицаю ни пьянства, ни разврата Распутина, – ответил о. Васильев, – но... у каждого человека бывает свой недостаток, чтобы не превозносился. У Распутина вот эти недостатки. Однако они не мешают проявляться в нем сила Божией.

Эта своеобразная теория оправдания Распутина, как оказалось, глубоко пустила корни. В сентябре 1915 г., вдова герцога Мекленбург-Стрелицкого графиня Карлова рассказывала мне следующее.

За несколько дней пред тем императрица Александра Федоровна передала ей, порекомендовав прочитать, как весьма интересную, книгу: «Юродивые Святые Русской Церкви». (Заголовок книги привожу по памяти. Мне говорили, что книга эта составлена архимандр. Алексием (Кузнецовым), распутинцем, в оправдание Распутина. Может быть, в награду за эту услугу архимандрит Алексей, по протекции Распутина, в 1916 г. был сделан викарием Московской епархии, после чего он как-то хвастался одному из своих знакомых: «Мне что до Распутина: как он живет и что делает. А я вот, благодаря ему, сейчас московский архиерей и, при всех благах, получаю 18 000 р. в год». Архимандрит Алексей, как мне сообщил проф. Н.Н. Глубоковский, представлял эту книгу в СПб. Духовную академию для получения степени магистра богословия, но там ее, конечно, отвергли.)

В книге рукою императрицы цветным карандашом были подчеркнуты места, где говорилось, что у некоторых святых юродство проявлялось в форме половой распущенности. Дальнейшие комментарии излишни.

С о. Васильевым мы проговорили до 11 ч. вечера и всё же ни к чему определенному не пришли. Решили продолжать разговор на следующий день. Опять о. Васильев обещал приехать ко мне, к тому же вечернему часу.

Из проведенной беседы я вынес убеждение, что А.П. Васильев со мной искренен и что он сам колебался, защищая Гришку. Я решил смелее действовать в следующий раз.

В результате свыше трехчасового разговора (мы расстались в 11 ч. 30 м. ночи) мы согласились на следующих положениях:

- 1) история Распутина весьма чревата последствиями и для династии и для России;
- 2) мы оба обязаны бороться с Распутиным, парализуя его влияние всеми зависящими от нас средствами. На этом мы расстались.

После этого вечера я до осени 1915 г. ни разу не видел о. Васильева и совсем не знаю, как он выполнял обязательства, вытекающие из нашего последнего разговора.

Из беседы с кн. Орловым я окончательно убедился, что распутинское дело зашло очень далеко.

Вскоре после этого я сделал две совершенно безуспешные попытки помочь благополучному разрешению его.

Скажу о них.

В то время, как мне было доподлинно известно, исключительным влиянием на государя пользовался военный министр генерал-адъютант В.А. Сухомлинов, очень сердечно относившийся ко мне. Я решил повлиять на Сухомлинова, чтобы он в свою очередь произвел соответствующее давление на государя. После одного из докладов в конце мая (1914 г.) я завел речь о Распутине и о страшных последствиях, к которым может привести распутинщина. Сухомлинов слушал вяло, неохотно, раз-два поддакнул. Когда я попросил его повлиять на государя, чтобы последний устранил Распутина, Сухомлинов буркнул что-то неопределенное и быстро перевел разговор на другую тему. Теперь я отлично понимаю Сухомлинова: он тогда лучше меня ориентировался в обстановке и считал для дела бесплодным, а для себя лично опасным предпринимать какие-либо шаги против Распутина.

В другой раз, 12 или 13 июля 1914 г., по этому же проклятому вопросу беседовал я с великой княгиней Ольгой Александровной, родной сестрой государя.

Великая княгиня Ольга Александровна среди всех особ императорской фамилии отличалась необыкновенной простотой, доступностью, демократичностью. В своем имении Воронезской губ. она совсем опрощивалась: ходила по деревенским избам, нянчила крестьянских детей и пр. В Петербурге она часто ходила пешком, ездила на простых извозчиках, причем очень любила беседовать с последними. Еще в 1905 г., в Маньчжурии, ген. А.Н. Куропаткин, знавший ее простоту и демократический вкус, шутливо отзывался, что она «с краснинкой». В конце 1913 г. я был приглашен ею в члены возглавлявшегося ею комитета по постройке храма-памятника в Мукдене. У нас сразу установились простые, сердечные отношения. Вот я и решил серьезно поговорить с нею по распутинскому делу.

– Это мы все знаем, – сказала она, выслушав меня. – Это наше семейное горе, которому мы не в силах помочь.

– Надо с государем решительно говорить, ваше высочество, – сказал я.

– Мама говорила, ничего не помогает, – ответила она.

– Теперь вы должны говорить. Я же знаю, что его величество чрезвычайно любит вас и верит вам. Авось, он послушается вас, – настаивал я.

– Да я готова, батюшка, говорить, но знаю, что ничего не выйдет. Не умею я говорить. Он скажет одно-два слова и сразу разобьет все мои доводы, а я тогда совсем теряюсь, – с каким-то страданием ответила она.

Следующее мое свидание с вел. княгиней Ольгой Александровной было 12 ноября 1918 г. в Крыму, где она жила со вторым своим мужем, ротмистром гусарского полка Куликовским.

Тут она еще более опростилась. Не знавшему ее трудно было бы поверить, что это великая княгиня. Они занимали маленький, очень бедно обставленный домик. Великая княгиня сама нянчила своего малыша, стирала и даже мыла белье. Я застал ее в саду, где она возила в коляске своего ребенка. Тотчас же она пригласила меня в дом и там угощала чаем и собственными изделиями: вареньем и печеньями. Простота обстановки, граничившая с убожеством, делала ее еще более милою и привлекательною.

Тогда она продолжала верить, что и брат, и его семья еще живы.

Глава IV

Накануне войны

В сентябре 1913 г. обер-прокурор Св. Синода В.К. Саблер сообщил мне о желании государя поручить мне освящение храма-памятника, сооруженного в Лейпциге в память русских воинов, погибших в Битве народов 5 октября 1813 г. Освящение назначалось на день столетнего юбилея. Предполагалось, что на торжестве будут присутствовать император Вильгельм и др. высочайшие особы. Мне очень приятно было это поручение, дававшее возможность познакомиться с Германией, границу которой до того времени не переступала моя нога. Я высказал обер-прокурору, что для достойной для России торжественности следовало бы вместе со мною командировать лучшего нашего протодиакона Константина Васильевича Розова (Московского Успенского собора) и синодальный хор. Саблеру понравилась эта мысль.

Вскоре я получил официальное сообщение, что, по повелению государя, я с протодиаконем Розовым и Синодальным хором командуюсь в Лейпциг для освящения храма-памятника. Мы должны были выехать вместе с русской военной миссией, отправляемой для представительства России на торжествах. Во главе миссии стоял великий князь Кирилл Владимирович. В составе ее были: начальник Генерального штаба генерал от кавалерии Я.Г. Жилинский, Генерального штаба отставной генерал-лейтенант Воронов, командиры полков: лейб-гвардии Павловского, генерал-майор Некрасов, лейб-гвардии Казачьего генерал-майор Пономарев и другие, всего, кажется, 14 человек. 1 октября мы выехали из Петербурга.

Наши духовные лица, путешествуя за границей, обыкновенно носят штатскую одежду, но я убедил протодиакона Розова не менять костюма. Потом я и сам бывал не рад своему решению оставаться в рясе, при длинных волосах. Наш вид везде привлекал особенное внимание немцев, не видевших раньше русских священников в их настоящем одеянии. Где бы мы ни появились – на вокзале ли, на улице, в ресторане, – везде собиралась толпа, то с удивлением, то с усмешкой разглядывавшая нас. Особенное внимание немцев привлекал протодиакон Розов. Красавец-брюнет, с прекрасными, падающими на плечи кудрями, огромный ростом – 2 аршина 14 вершков, весом, как уверяли, чуть не 12 пудов, – он действительно представлял фигуру, на которую с удивлением могли заглядываться и русские. Немцы же у меня спрашивали:

- Это у вас самый большой человек?
- У нас много гораздо больших, – отвечал я.
- О! о! – удивлялись немцы.

Но для большего любопытства немцев с нами почти неразлучно появлялся генерал Некрасов – очень типичная фигура с чрезвычайно быстрыми глазами и огромной, широкой, придававшей ему необыкновенно свирепый вид, бородой, в которой, как в большом кусте, пряталось его маленькое лицо.

По улицам Лейпцига нам почти нельзя было ходить, ибо с появлением нашего «трио» движение публики останавливалось (это факт), и матери пальцами указывали своим детям на протодиакона Розова.

В Лейпциге наша миссия, в том числе и я с Розовым, пользовались особым покровительством лейпцигского богача, коммерсанта Доделя, взявшего на себя хлопоты по всем нашим нуждам, а раньше принимавшего большое участие в постройке храма. Кажется, 3 октября вся наша миссия во главе с великим князем обедала у него. Конечно, Додель не посрамил себя. Что заставило его проявить такое внимание и к нам, и к храму, затрудняюсь сказать. Одни говорили: любовь к России; другие – желание получить большой русский орден. Может быть, первое не мешало второму. А может быть, к этому присоединялись еще и коммерческие расчеты.

Торжество началось 4 октября. В этот день в кирхе, любезно предоставленной нам лютеранами, перед гробами с останками наших героев, в присутствии всех членов миссии и чинов русского посольства в Берлине, русских, живущих в Лейпциге и множества немцев, была отслужена панихида, а затем с крестным ходом останки торжественно были перенесены в усыпальницу нашего храма. По пути шествия были выстроены немецкие войска с оркестром музыки, исполнившим «Коль славен». 5 октября предстояло освящение храма, литургия и молебен. По церемониалу, в конце литургии на молебен должен был прибыть, после открытия своего немецкого памятника, император Вильгельм со всеми высочайшими особами, съехавшимися на торжество.

Накануне у меня с генералом Жилинским и другими членами миссии происходило совещание о деталях завтрашнего торжества. Ген. Жилинского очень беспокоило, как бы протоиерей Розов своим могучим басом не оглушил Вильгельма.

– Скажите Розову, – просил меня Жилинский, – чтобы он не кричал. У Вильгельма большие уши. Не дай Бог, лопнет барабанная перепонка, – беда будет.

Я передал это Розову. Тот обиделся.

– Зачем же тогда меня взяли. Что ж, шепотом мне служить, что ли? Какая же это служба? – ворчал он. – А что мне может быть, если я действительно оглушу Вильгельма? Из Германии вышлют? Так наплевать, – я и так должен буду уехать. Нет, уж, о. протопресвитер, благословите послужить по-настоящему, по-российскому.

– Валяй, Константин Васильевич. Вильгельм не повесит, если и оглушишь его, – утешил я Розова.

Утром 5 октября перед службой я говорю нашему послу в Германии, Свербееву:

– Ген. Жилинский боится, как бы Розов своим басом не повредил Вильгельму уши.

– Ничего не станет этой дубине, – выдержит, – ответил Свербеев. А стоявший тут же свиты его величества ген. – майор Илья П. Татищев (убитый вместе с государем в Екатеринбург в ночь с 3 на 4 июля (ст. ст.) 1918 г.), бывший при особе Вильгельма, добавил:

– Оглохнет, так и лучше.

Рано утром 18 октября началось лейпцигское торжество.

Никогда не забыть мне этого 18 октября. Приехав в церковь задолго до начала службы, я с высокой паперти (церковь – из двух этажей, причем площадь нижнего гораздо больше площади верхнего. В нижнем этаже усыпальница, в верхнем – храм. Храм, таким образом, стоит как бы на пьедестале, а остаток поверхности этого пьедестала, не занятый храмом, является папертью-площадкою для крестных ходов) наблюдал бесконечно тянущуюся мимо церкви к немецкому памятнику, пеструю, как разноцветный ковер, меняющуюся, как в кинематографе, ленту идущих войск, процессий и разных организаций. Прошли войска: пехота, кавалерия, артиллерия. Пошли студенты. Они шли по корпорациям, со знаменами и значками, каждая корпорация – в своих костюмах, красивых, иногда вычурных. Студенты шли стройными рядами, как хорошо выученные полки. Порядок не нарушался нигде и ни в чем. Народ чинно следовал по бокам дороги, как бы окаймляя красивую, пышную ленту войск и студенческих корпораций...

У меня замерло сердце: вот она, Германия! Стройная, сплоченная, дисциплинированная, патриотическая! Когда национальный праздник – тут все, как солдаты; у всех одна идея, одна мысль, одна цель, и всюду стройность и порядок. А у нас всё говорят о борьбе с нею... Трудно нам, разрозненным, распропагандированным, тягаться с нею... Эта мысль всё росла у меня по мере того, как я всматривался в дальнейший ход торжества.

Литургию я совершал в сослужении заграничных протоиереев: Берлинского – А.П. Мальцева и Дрезденского – Д.Н. Якшича. В самом конце литургии, когда певчие начали петь «Благочестивейшего», в церковь вошли король саксонский (как хозяин, он всегда и везде на торжествах занимал первое место, Вильгельм же второе), император Вильгельм, австрийский эрцгерцог Франц-Фердинанд, шведский принц и пр. Всего, как говорили, 33 высочайших особы

при многолюдной свите. Начался молебен. Своим могучим сочным, бархатным басом прото-диакон Розов точно отчеканивал слова прошений; дивно пели синодальные певчие. Эффект увеличивался от великолепия храма и священных облачений, от красивых древнерусских одежд синодальных певчих. Церковь замерла. Но вот началось многолетие. Первое – государю императору, императрицам, наследнику и царствующему дому. Второе – королю саксонскому, императору германскому, императору австрийскому и королю шведскому. Третье – воинству. Розов превзошел себя. Его могучий голос заполнил весь храм; его раскаты, качаясь и переливаясь, замирали в высоком куполе. И этим раскатам могуче вторили певчие.

Богослужение наше очаровало иностранцев. Вильгельм, – рассказывали потом, – в течение этого дня несколько раз начинал разговор о русской церкви, о Розове и хоре. «Он бредит Розовым», – говорили у нас (возвращаясь из Лейпцига, Синодальный хор дал духовный концерт в Берлине. Вильгельм не только сам приехал на концерт, но и привез капельмейстера своей капеллы. Когда Вильгельм входил в концертный зал, он прежде всего спросил: «А будет ли петь протод. Розов?» Так передавали мне).

Днем был завтрак в городской ратуше, а вечером обед во дворце саксонского короля. Все высочайшие особы были на том и другом. Была там и вся наша миссия.

После обеда во дворце короля все обедавшие вышли в большую залу. Тут я мог рассмотреть весь цвет германских верхов: короли, владетельные герцоги и принцы, генералитет, министры и пр.

Хорошо помню огромную фигуру Мольтке, суровую адмирала Тирпица, приземистую, полную саксонского военного министра и др. Вильгельм начал обходить присутствующих. Я не спускал с него глаз. Как сейчас, помню его пристальный, испытывающий, как бы пронизывающий взгляд. Он как будто впивался в каждого, стараясь выпытать, выжать от него всё что можно. Решительностью, смелостью, задором, даже, пожалуй, надменностью и дерзостью веяло от него. Видно было, что этот человек всё хочет знать, всем в свое время воспользоваться и всё крепко держать в своей руке. Невольно вспомнился наш государь – робкий, стесняющийся, точно боящийся, как бы разговаривающий с ним не вышел из рамок придворного этикета, не сказал лишнего, не заставил его лишний раз задуматься, не вызвал его на тяжелые переживания.

Эрцгерцог Франц-Фердинанд неотступно следовал за Вильгельмом, отстраняя его от русских. Когда члены нашей миссии попросили в. кн. Кирилла Владимировича представить их Вильгельму, князь раздраженно сказал: «Видите: этот австрийский нахал никого не подпускает к нему». Действительно, Франц-Фердинанд слишком уж бесцеремонно не скрывал своей ненависти к нам, русским.

Когда мы возвращались из дворца, улицы были запружены народом; наши автомобили продвигались со скоростью черепахи, и мы до своей гостиницы ехали более получаса, когда можно было пешком дойти за 10–15 минут. Но везде был большой порядок: ни пьяных, ни бесчинствующих, а лишь густая, как стена, непроницаемая, празднующая толпа. Нас, русских, толпа шумно приветствовала.

Возвращаясь из Лейпцига, мы делились впечатлениями. Большинство сходилось в том, что Германия представляет могучую своей стройностью, порядком и единодушием силу, страшную для нас. Ген. Некрасов был другого мнения.

– Вы, господа, не понимаете немца, – говорил он, – у него всё держится на правиле, порядке, системе, шаблоне. Но тут-то и есть слабая его сторона. Начни противник действовать вопреки правилу, системе – немец растерялся и пропало дело. Так мы и будем воевать и разобьем, господа, немца.

«Система» ген. Некрасова, к несчастью, очень часто применялась нашими генералами (думаю, что независимо от его совета), но, к сожалению, чаще давала очень плохие результаты.

Удачно ли применял сам ген. Некрасов свою систему, – не знаю. Но об успехах его в этой войне не было слышно, а в начале революции он был убит солдатами.

В начале 1914 г. у меня явилась мысль собрать в Петербурге представителей военного духовенства от всех военных округов и от флота, чтобы сообща обсудить ряд вопросов, касающихся жизни и деятельности военного священника и, в частности, вопрос о служении священника, на войне. Последний вопрос имел огромное значение, а между тем, как это ни странно, не только для общества, но и для военного духовенства он был совершенно неясен и, как я лично убедился в Русско-японскую войну, каждым священником решался по-своему, иногда неразумно и дико. В 1913 г. я, на основании своего опыта и наблюдений на Русско-японской войне, попытался разрешить этот вопрос в своей брошюре «Служение священника на войне».

Тут на каких-то 40 страницах небольшого формата я просто и бесхитростно рассказал, что и как может делать священник на войне. Свою брошюру я писал исключительно для военного духовенства и был искренне удивлен, когда на нее обратила серьезное внимание светская печать, признавая, что я осветил деятельность военного священника с совершенно новой, до того времени неизвестной обществу, точки зрения (В.В. Розанов посвятил моей брошюре целый восторженный фельетон в «Новом времени». Казалось бы, совершенно простой вопрос: что делать священнику на войне? – на самом деле далеко не для всех был прост. Это служение можно свести к минимуму, но можно (и должно) расширять до бесконечности. Так, многие полковые священники во время боя просиживали в обозах, госпитальные ограничивали свои обязанности напутствием умирающим и погребением умерших и т. д.).

Теперь мне хотелось, чтобы Съезд, составленный из выборных, лучших военных и морских священников, проверил мой взгляд и выработал определенный план для духовной работы священника на поле брани. Намечено было и много других вопросов, по которым должен был высказаться Съезд. Военный министр одобрил мою мысль, и вопрос о созыве Съезда, таким образом, был решен. Сначала я хотел собрать Съезд по окончании лагерного времени, т. е. в августе, но потом передумал и объявил днем открытия Съезда 1 июля. На июнь же месяц я впервые за три года службы в должности протопресвитера уехал в отпуск, в деревню.

Во время своего отпуска я навестил своего школьного товарища Павлина Мурашкина, священствовавшего в с. Иванове, Витебской губ., Невельского уезда. Это село находится в 7 верстах от города Невеля и представляет чудный уголок. С одной стороны к нему примыкает большой (5 десятин) парк с деревьями самых разнообразных пород; с двух других сторон – село окружено живописными озерами. Чудной архитектуры церковь и остатки большой барской усадьбы дополняют исключительную красоту села. Когда-то это было имение одного из богатейших вельмож Екатерининского века, генерала Ив. Ив. Михельсона, усмирителя Пугачевского бунта. Когда-то генералу Михельсону принадлежал почти весь Невельский уезд. Местное предание сохранило множество самых разнообразных воспоминаний о генерале и его неудачном наследнике, в которых возможная историческая правда причудливо сплеталась с явным неправдоподобием.

Рассказывали, например, будто ген. Михельсон несколько раз ловил Пугачева и опять отпускал его, отняв предварительно у него всё награбленное, и что так именно главным образом составилось огромное михельсоновское богатство. После смерти Михельсона (1801 г.) всё его богатство скоро пошло прахом. Единственный сын Михельсона оказался беспутным кутилой и самодуром. Летом он иногда приказывал засыпать солью весь путь от с. Иваново до г. Невеля, чтобы ему можно было прокатиться на санках. Самодурство кончилось тем, что он умер почти бедняком.

Ген. Михельсон был протестантом, но чувствовал большое тяготение к православной церкви. Он выстроил и украсил в с. Иванове чудный храм, достойный по своей художественности быть помещенным в любой из столиц, и завещал похоронить себя в этом храме. Незадолго до кончины ген. Михельсон принял православие. После Михельсона невежественные,

лишенные всякого художественного вкуса, усердные не по разуму, настоятели и ктитеры храма успели значительно обезобразить его, навесив икон кустарной работы, аляповатых, совсем не гармонировавших со стилем (рококо) и всем первоначальным убранством храма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.